

Париж, 26 (12) марта 1913

Дорогой Даниил Кириллович!

Я все ждал предложения, о котором Вы писали, чтобы ответить Вам. Не получив его, отвечаю Вам теперь, извиняясь прежде всего за то, что запаздываю с ответом. Но все это время, да и теперь еще, я буквально завален работой и помехами в работе.

Прочитав Ваше дружелюбное письмо, я расчувствовался, и у меня зашевелилось в душе чуть не желание вернуться в Россию. Но после зрелого размышления я решил, что было бы невозможно мне приняться за новые дела. Посудите сами: мне скоро минет 68 лет. Это такой возраст, когда стариков нужно гнать в шею. Где же мне переселяться на новое место и взяться за управление большим институтом, которое и ранее мне было не по силам. К тому же хотя я и враг всякой политики, но все же мне было бы невозможно присутствовать равнодушно при виде того разрушения науки, которое теперь с таким цинизмом производится в России. В конце концов я решил доживать конец моей научной деятельности на старом месте, где я сижу почти 25 лет. Видимо, здесь мне придется сложить и мои кости. Мне надо думать о приготовлении себя к доставлению роскошного яства *Perfringens'у* * и его родичам, а не рисковать в новом деле, на котором я могу запутаться.

Примите же мою сердечную благодарность за Ваши добрые пожелания. Искренне преданный Вам

Ил. Ил. Мечников

P. S. Передайте мой привет Вашим товарищам.

---

* Бацилла, вызывающая гниение трупов.— Ред.

БЕСЕДА С СОТРУДНИКАМИ ЖУРНАЛА

«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» (1913)²¹³

Я действительно получил от одного из профессоров Института экспериментальной медицины письмо, в котором затрагивалось, как отнесусь я к предложению занять место директора института — предложению, мысль о котором возникла в соответствующих кругах. В письме было высказано уверение, что согласие мое было бы встречено с удовольствием всеми, в том числе моими будущими товарищами по работе...

Вы спрашиваете, не было ли это письмо делом частной инициативы? Нет, оно было написано по поручению. Выждав некоторое время, я ответил отказом. Я отклонил совершенно категорически мысль о переезде в Петербург. Причины? Их несколько. Во-первых, мне недавно минуло 68 лет. В эти годы вообще поздно становиться на новые рельсы и брать на свои плечи ту усиленную работу, которая связана с подобной переменной. Имеются, во-вторых, специальные причины, мешающие мне стать именно на русские рельсы. Я не интересуюсь политикой или интересуюсь ею весьма мало. Я ею никогда не занимался и не занимаюсь. Но зато я интересуюсь наукой и нуждами научной работы и не могу не защищать их от вторжения политики; я предвижу поэтому ряд неизбежных конфликтов, из которых я в Петербурге никогда бы не выбрался. Вы говорите, что я мог бы поставить свои условия и стать вне политики? Все равно, я оказался бы внутри ее...

Начать с того, что я не был бы, как здесь, свободен в выборе моих товарищей и учеников. Здесь, в Париже, у меня составилась круг учеников и товарищей по работе, вместе с которыми мы трудимся над решением ряда вопросов. Я не

вижу оснований да и не считаю желательным прекращение этого сотрудничества. Между тем я не могу рассчитывать на то, чтобы, например, докторам Безредка и Вольману были предоставлены места в институте, так как д-р Безредка и д-р Вольман — евреи. Оба они даровитые ученые, пользующиеся известностью вследствие своих работ, своих несомненных заслуг, но они — евреи, и потому двери института были бы для них закрыты, как оказывались они закрытыми для другого моего ученика, д-ра Бардаха, тоже еврея. Я рекомендовал д-ра Бардаха в институте в то время, когда подбирался первый контингент профессоров. Рекомендация моя успеха не имела, и наука потеряла даровитого работника, принужденного заниматься частной медицинской практикой, вместо того чтобы следовать своему призванию. С меня довольно и этого опыта...

Да дело и не в одной национальной политике. У нас можно быть и не евреем, можно быть даровитым ученым и остаться за флагом. И можно быть бездарным и малозначащим человеком и получить профессиру. Насколько я слежу за деятельностью министерства народного просвещения, я нахожу ее направленной к ущербу науки в России.²¹⁴ Это мнение мое сложилось на основании общеизвестных фактов, а также на основании некоторого личного опыта. Я имею в виду назначения на профессорские должности моих бывших слушателей и учеников. Зная их относительные достоинства, я могу утверждать, что некоторые из этих назначений относятся к лицам, научный ценз которых очень низок. Очевидно, назначения эти были вызваны соображениями, посторонними науке. Здесь, в Париже, мы работаем в условиях полной автономии; единственный критерий, признаваемый нами, это научная ценность работника; научной работы в иных условиях я принять не могу. Вот почему я и считаю за лучшее остаться в Париже, где моя лаборатория открыта для всех русских ученых, желающих работать и способных работать. Здесь они — у себя. В Петербурге я этих условий им дать бы не мог.²¹⁵

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ «РУССКОГО СЛОВА» (1914)²¹⁶

Париж, 7 ноября (нов. ст.) 1914 г.

М. Г., г. редактор!

Вместе с этим письмом я посылаю вам мои «Воспоминания о Пастере», написанные мною во время каникул, которые я проводил летом в тиши леса Рамбулье. Я думал, что эти воспоминания могут заинтересовать тех из ваших читателей, которым дорого все, что касается личности деятелей, оказавших человечеству благодеяния. Я не подозревал тогда, что мы находимся накануне катастрофы. Несмотря на постоянные угрозы и все увеличивающееся вооружение европейских народов, можно было надеяться на мирное улажение международных недоразумений. Я помню, с каким ужасом германский посланник в Париже Радолин относился к возможности войны во время международного совещания в Алхесирасе в 1906 г., уверяя меня, что оно приведет к миролюбивому разрешению спора. Не менее миролюбивое предсказание давал мне Lord Chancellor, * лорд Хольден (Lord Haldane), бывший великобританский военный министр, в самый разгар балканской войны 1912 г. Когда даже недавнее столкновение Северо-Американских Соединенных Штатов с полудикой Мексикой разрешилось почти без кровопролития, то как можно было ожидать жесточайшей войны европейских народов?

Тем не менее, невероятное сделалось фактом. Война разразилась в неслыханных раньше размерах, перевернув весь нормальный ход жизни. Неудивительно, что при таких условиях читателю нет дела до мирных тружеников науки, хотя бы и оказавших человечеству очень большие услуги. Но, когда первое возбуждение несколько уляжется, читатели вашей

* Лорд-канцлер.— Р е д.

газеты, быть может, не отвернутся от рассказа о человеке, деятельность которого сказала даже и в сохранении жизни в военное время. На закате жизни, в день основания института, носящего его имя, в 1888 г., Пастер произнес следующие слова:

«Два противоположных закона, повидимому, борются в настоящее время: закон крови и смерти, ежедневно придумывающий новые средства борьбы и вынуждающий народы вечно готовиться к войне, и закон мира, труда, благоденствия, который стремится лишь к освобождению людей от преследующих их бедствий. Первый закон ищет жестоких завоеваний, а второй — облегчений человечества. Этот закон ставит человеческую жизнь выше всевозможных побед, тогда как первый закон готов жертвовать сотней тысяч жизней ради удовлетворения самолюбия одного. Закон, которому мы следуем, старается даже среди битвы исцелить зло, причиняемое войной. Повязки, придуманные на основании моей антисептической методы, способны предохранить тысячи солдат. Какой из этих двух законов восторжествует? Это известно одному Богу. Единственное, что можно утверждать, это то, что французская наука, подчиняясь закону гуманности, сделала всевозможные усилия, чтобы отодвинуть предел жизни».

До какой степени применение на войне основ учения Пастера оказалось благотворным, могут свидетельствовать следующие данные. Среди русских войск в Крымскую кампанию 1853—1856 гг., т. е. в до-пастеровскую эпоху, было убито 25 000, а от ран умерло 16 000, между тем как в Японскую войну 1904—1905 гг., в период полного применения принципов, выработанных Пастером, рядом с таким же количеством убитых (25 000) от ран умерло всего 6000, т. е. почти в три раза меньше. Отсюда можно заключить, что гений Пастера помог спасти во время Японской войны 10 000 русских жизней.

Если вы найдете удобным поместить мои воспоминания, то, быть может, предыдущие строки послужат им в качестве предисловия. С совершенным почтением

Ил. Мечников

ЗАПИСИ САМОНАБЛЮДЕНИЙ

(1913—1916)⁹¹⁷

Севр, 19/X 1913 г., 7 ч. 45 м. утра ²¹⁸

Сегодня утром, после хорошо проведенной ночи, сердце начало работать хорошо: было 58—59 ударов правильных. Но когда я встал, то сразу почувствовал сильнейшую боль вдоль грудной клетки; в то же время сделался сильнейший припадок тахикардии, подобного которому я никогда в жизни не имел. ²¹⁹

19/X, 3 часа

Припадок продолжался до часу (всего длился 6 часов). По временам боль в груди была невыносима. Жажда побуждала пить (очень жидкий чай), после чего меня вырвало. Чувствовал, что меня мучают газы в желудке и в кишках. К полудню боль стала стихать, но сердце билось часто и ужасно неправильно. Чтобы не беспокоить д., ²²⁰ я сел к завтраку, но боялся, чтобы наполнение желудка не усилило припадка. Оказалось как раз наоборот: после первых же глотков (я ел, разумеется, очень мало) боль стала сноснее, и сердце начало биться реже. После завтрака все вошло в норму: боль прекратилась, и сердце стало биться медленнее (78—80) и гораздо правильнее. Перебои стали очень редки, и несколько раз я мог сосчитать 100 ударов без них.

Во все время припадка сознание не обнаруживало ни малейшего ущерба, и, что меня особенно радует, я не испытывал страха смерти, хотя ждал ее с минуты на минуту. Я не только рассудком понимал, что лучше умереть теперь, когда еще умственные силы меня не покинули и когда я уже, очевидно, сделал все, на что был способен, но и чувства мои

спокойно мирились с предстоящей катастрофой. Последняя для меня не будет неожиданна. Моя мать большую часть жизни страдала сердечными припадками и умерла от них в 65 лет. Отец умер от апоплексического удара на 68-м году. Старшая сестра умерла от отека мозга. Брат Николай (сифилитик) умер на 57-м году от грудной жабы. Сердечная наследственность у меня несомненно плохая. С молодости я страдал от сердца. Тридцати трех лет я страдал такими болями в сердце, что по временам не мог сделать несколько шагов без передышки. В 34 года у меня сделались сильнейшие головокружения и ощущение тяжести в голове. Дошло до того, что чтение нескольких строк или даже вывесок на улице вызывало у меня эти тяжелые ощущения. В 1881 г. во время припадков возвратного тифа у меня сделались очень сильные и утомительные перебои, против которых я принимал маленькие дозы наперстянки.²²¹ После того у меня периодически бывали приступы перебоев, но тахикардических припадков не было вовсе, или же они продолжались всего несколько секунд. Во время перебоев я принимал несколько капель *strophantus* и чувствовал от них облегчение.

Особенно сильные периоды перебоев у меня были в 1887, 1894, 1895 и 1896 гг. Под конец я пошел к Вакесу (в декабре 1896 г.), но от его лечения не почувствовал облегчения.

Предположив, что причиной являются яды кишечных бактерий, я решил не есть никакой сырой пищи и от время до времени принимать «сагабана». Успех этого лечения был очень замечен, и весной 1897 г. перебои прекратились. Но с осени 1898 г. меня стала мучить полакурия, от которой я надеялся получить исцеление у Альбарана. Последний посадил меня на *Contrexville*, * вызвавший у меня белковую реакцию мочи. В октябре 1898 г. я советовался с Ноорденом во Франкфурте и Leube в Париже во время выставки 1900 г. Оба не нашли ничего угрожающего. Ноорден мне сказал, что у меня признаки артериосклероза, соответствующие моему возрасту (53 года). Посадив себя на смешанный режим с кислым молоком и

* Целебная минеральная вода.— Прим. О. Н. Мечниковой.

культурой болгарского бацилла, я несколько лет чувствовал себя удовлетворительно, и только после поездки в Россию в 1909 г. у меня обнаружилось резкое ухудшение: в груди, вдоль sternum* появились острые боли, особенно после еды и ходьбы. В 1911 г. снова стали часто делаться приступы перебоев. В январе 1911 г. я советовался с д-ром Heitz, чтобы узнать, могу ли ехать в калмыцкие степи, где гигиенические условия очень неблагоприятны. Heitz нашел у меня увеличенное сердце, «ébauche de bruit de galop»,** артериальное давление по Пешену в 17,—16,—15. Он сказал, что я могу предпринять путешествие и прибавил, однако: «On meurt subitement avec moins que ce que vous avez au coeur».*** Путешествие сошло благополучно, хотя я страдал от частых перебоев и от боли вдоль sternum во время ходьбы. По возвращении здоровье мое сделалось довольно удовлетворительным. Главное, что меня утешало, это полная работоспособность, увлечение в работе и сохранение умственных сил. Но, разумеется, я каждую минуту готов был умереть. В начале нынешнего лета меня исследовали д-р Манухин и проф. Н. Я. Чистович. Оба нашли сердечные тоны удовлетворительными, но Манухин смутился, найдя у меня первый тон аорты очень слабым, а второй тон усиленным.²²² Перебои были у меня очень часты, но с нормальными промежутками. Последнее время в этом отношении стало лучше, да и боль вдоль sternum давала себя чувствовать только в экстренных случаях.

Готовясь к концу, я радуюсь тому, что предвижу его мужественно, спокойно. Перебирая свою жизнь, нахожу, что я провел ее, сколь возможно, «ортоботически». Если может показаться, что смерть в 68 лет и 5 месяцев преждевременна, то нельзя забывать того, что я начал жить очень рано (уже в 18 лет я напечатал первую научную работу), что всю жизнь очень волновался, прямо кипел. Полемика по

* Грудина. (лат.) — Ред.

** «Следы галопирующего ритма» (фр.) — Ред.

*** «Можно внезапно умереть и с меньшей болезнью сердца, чем ваша». (фр.) — Ред.

поводу фагоцитов могла убить или совершенно ослабить меня еще гораздо раньше. Бывали минуты (помню, например, нападки Лубарша в 1889 г. и Пфейффера в 1894 г.), когда я готов был расстаться с жизнью. К тому же рациональной (с моей точки зрения) гигиене я стал следовать только после 53 лет, когда у меня были уже признаки артериосклероза. Мне удалось порядочно побороть кишечное гниение (фенолы и индол),* но я никак не мог и не могу справиться с обилием *Clostridium butyricum*, который завелся в моих кишках.

В общем меня радует сознание, что я прожил не бессмысленно, и меня утешает мысль, что я считаю все свое мировоззрение правильным. Собираясь умереть, у меня нет и тени надежды на жизнь *au delà*,** и я спокойно предвижу полное уничтожение. Возможно, что начал жить очень рано, и, живя очень интенсивно, я в 68 лет уже дожил до начала появления инстинкта пресыщения жизнью, подобно тому как есть женщины, у которых регулы прекращаются гораздо раньше, чем у громадного большинства их.

Ил. Мечников

Р. S. Кажется, что все нужное в виду конца (завещание, дела и пр.) у меня в порядке.

Р. S. Пусть те, которые воображают, что, по моим правилам, я должен был бы прожить до 100 лет и более, «простят» мне преждевременную смерть ввиду указанных выше обстоятельств (раннее начало кипучей деятельности, очень беспокойный, нервный темперамент и то, что я начал вести правильную жизнь лишь очень поздно).

И. М.

Севр, 28 (15) декабря 1913

С тех пор, как я написал предыдущие строки, прошло более двух месяцев, которые я провел удовлетворительно,

* 28 июня 1914 г. Возобновив исследование мочи, я нашел, что индикан у меня появился вновь и нередко в довольно значительном количестве. И это, несмотря на сколь возможно рациональный режим! Стараюсь выяснить это странное противоречие.

** «По ту сторону»; т. е. загробную.— Ред.

каждый день спрашивая, будет ли он последним. Ввиду этого очень торопился написать работу «О холере сосунов», считая ее интересной. Несмотря на то, что сердечные перебои давали себя чувствовать более или менее часто, все же каждый день бывали периоды, когда сердце билось правильно, обыкновенным темпом, в 58—66—72 удара. Третьего дня у меня сделался сильный насморк с небольшой лихорадкой, и я спросил себя, не обратится ли он в воспаление легких. Ввиду этого опять приострился вопрос о возможности близкого конца. Мне было интересно анализировать мои мысли, чувства и ощущения.

Мне кажется, что у меня под 70 лет потихоньку начинает развиваться чувство пресыщения жизнью, что я назвал «инстинктом естественной смерти».

Когда осенью 1910 г., делая опыты с тифозными культурами, я обрызгал себе лицо и рот, то я, разумеется, задался вопросом, не может ли от этого последовать заражение. Я облил себе лицо и бороду раствором сулемы и мылом, но все же не считал себя обеспеченным от заразы. Когда я размышлял об этом, мысль мне подсказывала, что заболеть тифом и умереть от него (в моем возрасте брюшной тиф большей частью смертелен; раньше я никогда не болел им и потому не мог считать себя невосприимчивым) было бы хорошо. Хорошо умереть на поле битвы и к тому же в таком возрасте, когда деятельность и жизнь уже кончены.

Но это были одни рассуждения. Инстинктивно же я чувствовал еще большую потребность жизни, и я с радостью отмечал протекшие дни, удаляющие меня от возможности заболеть тифом. Когда прошли две недели после происшествия, я почувствовал облегчение, считая этот срок предельным для инкубации брюшного тифа. Итак, рассуждение говорило одно, а чувство, инстинкт подсказывали другое. С тех пор, за протекшие три года, в моем душевном состоянии произошла перемена. Перспектива смерти меня менее пугает, чем прежде (во время припадка 19/X я даже вовсе не испытывал страха смерти), и удовлетворение при выздоровлении менее ощущительно, чем

бывало раньше. Думаю, что эта количественная разница и составляет первые признаки равнодушия.

Так как пресыщение жизнью наблюдается иногда у стариков, перешедших за 80 лет, то неудивительно, если начальные его проблески дают себя чувствовать в возрасте под 70 лет, и тем более у человека, подобного мне, начавшего очень рано вести крайне интенсивную жизнь. На эту преждевременность пресыщения влияют еще особенные условия. Между тем как я становлюсь равнодушнее к собственной жизни, у меня в высшей степени становится острым беспокойство о здоровье, жизни и счастье близких мне лиц. В этом отношении особенное горе доставляет сознание несовершенства современной медицины. Несмотря на все ее успехи за последнее время, все же она беспомощна против множества грозящих со всех сторон болезней. Легочные болезни (чахотка, пневмония и пр.), нефриты и многое множество других болезней еще не могут ни предупреждаться, ни излечиваться. Поэтому испытываешь вечный страх за близких.

Современем, когда медицина (в чем я уверен) справится с этими бедствиями, то отпадет одна из больших причин жизненной горечи, но пока этого нет. Поэтому рядом с притуплением инстинкта жизни является примирение с перспективой смерти как средства не чувствовать бедствий, постигающих близких сердцу. Современем, когда медицина устранит этот источник несчастья, старость сложится гораздо краше, и жизнь по ортобиозу сделается гораздо более возможной и нормальной. В возрасте между 50, 60 и 65 годами радость жизни, как я описал в «Этюдах о природе человека» и «Этюдах оптимизма», мною ощущалась очень сильно; за последние же годы она начинает заметно ослабевать. Научная работа еще вызывает у меня неугасаемый энтузиазм, но ко многим благам жизни я сделался равнодушным.

Севр, 16 (3) мая 1914 г.

Сегодня я вступил в 70-й год жизни. Для меня это большое событие. Анализируя свои чувства, все больше убеждаюсь, что «инстинкт жизни» у меня ослабел. Я нарочно слушал те музыкальные вещи, которые прежде доводили ме-

ня до слез восторга (как, например, 7-я симфония Бетховена, ария Баха для скрипки и т. д.), чтобы проверить впечатление. Последнее значительно ослабело против прежнего. Несмотря на легкость, с которой плачут старики, у меня не появилось ни одной слезинки за крайне редкими исключениями.

То же и в других областях. Нынешней весной распускание и цветение кустов и деревьев, проявление оживления природы не вызывали во мне и тени того восторженного чувства, которое я испытывал в прежние годы. Я скорее ощущал грусть не от предвидения конца моей жизни, а от сознания тяжести существования. О наслаждении жизнью, как в прежние годы, не может быть и речи. Чувством, преобладающим над всеми прочими, является бесконечная тревога из-за здоровья и счастья близких. Я теперь так хорошо понимаю Петенкофера, который лишил себя жизни в 84 года после потери всех близких. Он их потерял, очевидно, преждевременно, вследствие несовершенства медицины. Это несовершенство приводит в отчаянье. На каждом шагу видишь случаи, когда ни гигиена, ни терапия не способны помочь. Какая масса туберкулезных, заразившихся неизвестно когда и как! Как помочь этой беде? А последствия кори, скарлатины, даже простой ангины, влекущие за собой нередко туберкулез и нефрит? Какой толк в том, что определение мочевины в крови дает возможность предсказать наступление смерти у больного, одержимого «азотемией», когда нет возможности ни предотвратить ее, ни вылечить!

Это несовершенство медицинской науки значительно препятствует настоящему ортобиозу, и я понимаю, что при теperешнем ее состоянии чувство «тягости жизни» может наступать очень преждевременно, как у меня.

Но не подлежит сомнению, что, несмотря на вялость, с какой разрабатывают медицину, последняя в будущем дойдет до степени, когда можно будет не дрожать перед возможностью всяких неизлечимых болезней. Тогда ортобиоз разовьется не в теперешней очень несовершенной форме, а станет действительно прочным и главным содержанием жизни.

16/V 1915 г.

Сегодня мне, наконец, исполнилось 70 лет. Я дошел до предела нормальной жизни, определенного еще царем Давидом и подтвержденного статистическими исследованиями Лексиса и Боддио. Я еще способен работать и мыслить. Но изменения в моем душевном складе, которые я заметил год назад, усилились в немалой степени.

Разница в силе приятных и неприятных ощущений оказывается все более и более. Приятные ощущения ослабевают; я сделался равнодушным к благам, которые прежде были мною очень ценимы. Нечего и говорить, что я сделался равнодушным к качеству пищи. Потребность к музыкальным ощущениям настолько ослабела, что я почти не испытываю желания их удовлетворения. Прелесть весны меня не трогает, а возбуждает грусть. Наоборот, тревога из-за счастья и здоровья близких становится все сильнее. Мне трудно понять, как я раньше мог переносить эту тревогу. Сознание бессилья медицины меня все более и более повергает в отчаянье.

Вдобавок война остановила все работы, направленные на борьбу против болезней.

Неудивительно, что при таких условиях у меня все более развивается «пресыщение жизнью». В течение прошедшего года (с 16/V 1914 по 16/V 1915 г.) у меня было два приступа тахикардии (25/X 1914 и 15/V 1915), во время которых я был бы очень рад перестать жить. Вообще же мое здоровье удовлетворительно, что поддерживает меня. Что было бы со мною, если бы вдобавок ко всему присоединились болезни. Я положительно теперь не боюсь смерти, но хотел бы умереть во время сердечного припадка, не подвергаясь какой-нибудь тянущейся болезни.

Моя относительная долговечность зависит не от семейного предрасположения (мой отец умер на 68-м году, мать на 66-м году, старшая сестра на 65-м, старший брат в 45 лет, второй брат в 50 лет, третий брат на 57-м году). Я никогда не знал моих дедов. То, что я дожил до 70 лет в сравнительно удовлетворительном состоянии, я приписываю своей

И. И. Мечников в гробу

гигиене: более 18 лет я не ем ничего сырого, по возможности засеваю кишки молочнокислыми бактериями. Но это лишь первый шаг. Я отравляюсь маслянокислыми бактериями. Одним словом, я дошел до сокращенного нормального предела жизни, чем уже могу быть удовлетворен. Я, так сказать, выполнил программы «сокращенного, кратчайшего ортобиоза». Когда макробиотика сделается более совершенной, когда хорошая кишечная флора будет засеваться, начиная со времени отнятия детей от груди, то нормальный срок жизни значительно продлится, дойдя, быть может, до предела вдвое большего, чем теперешний в 70 лет. Тогда и чувство пресыщения жизнью наступит значительно позже, чем у меня.

Сегодня в Пастеровском институте мне устроили чествование, которое меня очень тронуло, так как, несмотря на мое недоверие к проявлениям добрых чувств, я убедился в искренности последних.

Я хотел было высказать программу исследований, которые бы следовало исполнить в Пастеровском институте, но боялся отнять слишком много времени у посетителей. Я верю в то, что наука решит все главные задачи жизни и смерти и даст возможность людям проводить их жизненный путь в смысле истинного ортобиоза, не карикатурного и скомканного, как у меня.

Во всяком случае, я считаю что опыт, который я проделал над собой, уже дал немалый результат. Это доставляет мне чувство истинного удовлетворения.

St. Léger en Yvelines,

24 июня 1915 г.

Когда я говорил о развивающемся у меня отсутствии страха смерти, то я имел в виду отсутствие страха «du néant», т. е. полного небытия. Страх этот, проявляющийся в течение продолжительного периода жизни и в конце ее прекращающийся, можно уподобить боязни темноты, испытываемой детьми инстинктивно и затем само собой проходящей.

Когда в конце жизни прекращается страх небытия, то не

является ни малейшей потребности в переживании бессмертия души. Наоборот, отвратительно было бы думать, что душа переживает тело и будет на «том свете» видеть бедствия, переживаемые на земле. Наоборот, на закате жизни развивается потребность полнейшего небытия.

16 мая 1916 г. ²²³

Против ожидания я дожил до сегодняшнего дня. Мне исполнилось 71 год. Моя мечта умереть быстро, без тянущейся болезни, не осуществилась. Вот пять с лишком месяцев, что я пригвожден к постели. После нескольких припадков тахикардии, небольшого гриппа с одышкой, у меня сделалось «congestion pulmonaire» * с плевритическим выпотом. У меня трижды извлекали по одному литру этого выпота. Хотя после этого наступило облегчение, но, несмотря на это, меня мучают припадки пота и следующие за ним одышка и кашель. Особенно припадки эти мучительны по ночам, обуславливая бессонницу, от которой меня спасает лишь пантопон.

Душевное мое состояние двойственное. С одной стороны, я очень желаю выздороветь, с другой же стороны, я не вижу толка в дальнейшей жизни. Болезнь не вызвала у меня страха смерти, и я больше чем прежде лишен чувства наслаждения жизнью. Пробуждение весны оставляет меня совершенно равнодушным. О наслаждении, которое испытывают на пути к выздоровлению, как и вообще о наслаждении, не может быть и речи. К бедствию, испытываемому мною от несовершенства медицины по отношению к моим близким, присоединяется чувство этого несовершенства по отношению ко мне самому. Я думаю, что в моем желании выздороветь и продолжать жить играют роль отчасти практические обстоятельства. Война расстроила финансы; доходы из России значительно уменьшились. В случае моей смерти положение жены может очень стесниться, что при ее непрактичности может повести к очень печальным последствиям. Ликвидирование имущества до прекращения войны и до восстановления нормальных условий прямо немислимо.

---

* Застой крови в легких.— Ред.

18 июня 1916 г. ²²⁴

Моя болезнь, тянущаяся уже 7-й месяц, не может не наводить постоянно мыслей на серьезность моего положения. Я поэтому отдаю себе постоянно отчет о чувстве удовлетворения жизнью, которое испытывал за свои долгие годы. Несколько лет уже начавшее появляться отмирание жизненного инстинкта становится теперь определеннее и реальнее. «Наслаждение» составляет уже удел прошлого; я не испытываю больше той степени «удовольствий», которую ощущал еще немного лет тому назад. Любовь к самым близким теперь гораздо сильнее выражается в тревогах и страданиях о их болезнях и горестях, чем в удовольствии от их радостей и нормальной жизни. Лица, которым я излагаю свои чувства, возражают, что пресыщение жизнью в моем возрасте (71 год) не должно быть нормальным. На это замечу им следующее: продолжительность жизни до известной степени, по крайней мере, связана с наследственностью. Я уже упоминал раньше, в беседе на моем 70-летнем юбилее, что мои родители, сестра и братья умерли раньше моего настоящего возраста. Дедов своих я никого не знал, что указывает на то, что они умерли не очень старыми. Обратимся теперь к профессии, так как известно, что она влияет на продолжительность жизни. Пастер умер 72 с лишком лет, но уже давно он сделался неспособным к научной работе. Кох дожил до 67 лет; другие бактериологи (Дюкло, Нокар, Шамберлан, Бухнер, Эрлих, Лефлер, Пфейффер, Карл Френкен, Эммерих, Эшерих) умерли, будучи значительно моложе меня. Из оставшихся бактериологов моего поколения большая часть прекратила научную работу. Все это может служить указанием на то, что моя научная жизнь окончилась, и подтверждением того, что мой ортобиоз действительно достиг желанного предела.

ПИСЬМО БЭРА МЕЧНИКОВУ²²⁵

(1868)

С.-Петербург

Уважаемый господин Мечников!

К сожалению, я отвечаю на Ваше уважаемое письмо с большим опозданием. Не примите это за недостаток интереса. Это лето было для меня, к сожалению, поистине горестным периодом. Не только я сам подвергся заболеванию холерой, но я потерял от этой болезни сестру, которая была моей хозяйкой. Почти внезапно умер сын в расцвете лет и оставил на мне заботу о его семье и имение без хозяина. Поэтому, как только я оправился, что произошло довольно скоро, я должен был предпринять некоторые поездки.

Ваше письмо пришло во время академического собрания, иначе я представил бы его тотчас же в Академию для напечатания в «Записках». Однако в августе я отсутствовал. В первом же сентябрьском заседании я направил его в редакцию, и оно появится в ближайшем томе «Записок» с моим кратким прибавлением.²²⁶

О наличии в яйцах двукрылых зародышевого пузырька (Keimbläschen) никогда не сомневались. Стоит только заявить, что я его видел, и в это поверит каждый человек, или по крайней мере каждый анатом.²²⁷ Что же касается применения к цецидомиям выражения «яичник» (Eierstock), то оно мне кажется совершенно неподходящим, особенно если он образует зародышевые камеры (Keimfläche) или яйцевые трубки (Keimgöhren). Лучше всего [одно слово неразб.] нужно подыскать новое слово или придать выражению зародышник (Keimstock) более расширительное, по сравнению с досих пор принятым, значение.²²⁸

Я радуюсь вашей энергии и способностям и надеюсь, что Вы составите честь Вашему отечеству. Окажите некоторое внимание старому человеку, совершенно уже преодолевшему собственное честолюбие, когда он выражает пожелание, чтобы Вы поменьше вступали в полемику. Кювье лишь очень редко полемизировал, а Гумбольдт — никогда! Новые открытия и основательность работы сами по себе прокладывают путь. Так, в существование зародышевого пузырька поверит каждый, как только надежный наблюдатель докажет, что он его видел. То, что господин Ганин принимает всех личинок цецидомий на протяжении большей части года за самок, конечно, нельзя признать; однако он может сослаться на прежние авторитеты, которые всех тайнобрачных (*Kryptogamen*) считают женскими, так как они дают плоды. Этот взгляд не может теперь получить одобрения.²²⁹

Прекрасно нарисованные таблицы я уже представил. Они еще не выгравированы, так как они относятся к еще неопубликованным работам, о чем отсутствуют сведения.²³⁰

Мы надеемся, что Вы подадите сочинение на конкурс на премию моего имени по естественной истории — работу о развитии двукрылых. К сожалению, конкурс закрывается уже к 1 (13) ноября т. г.²³¹

Я писал, не задумываясь, на немецком языке, так как Вы его не только понимаете, но и совершенно правильно и хорошо пишете.

В заключение сердечное *Macte virtute*. * С совершеннейшим почтением Ваш покорнейший слуга

д-р Бэр

---

* Хвала тебе, доблестному (лат.) — Ред.

ПИСЬМО ПАСТЕРА МЕЧНИКОВУ ²³²

Париж, 17 декабря 1888 г.

Дорогой Мечников!

Вы спрашиваете у меня, что я думаю о применении микроба куриной холеры для уничтожения некоторых грызунов и существует ли какая-нибудь опасность для домашних животных, связанная с применением этого способа. Кажется, в ряде русских журналов опасаются того, что куриная холера может принести вред крупным животным, и мне даже приписывают опыты, подтверждающие последнее мнение. Все, что мне известно по этому вопросу, сводится к следующему. Микроб куриной холеры, конечно, опасен для кур и домашней птицы. Он еще более опасен для кроликов: дайте любому числу кроликов хотя бы один раз в пищу траву, зараженную культурой микроба куриной холеры, и не пройдет суток, как все эти кролики погибнут. Если Вы проделаете подобный же опыт на баранах, свиньях, коровах, лошадях, козах, собаках, то, даже если Вы не один раз, а неоднократно дадите им зараженную микробом пищу, они не почувствуют никакого вреда от этого на протяжении нескольких дней и даже недель. Если кто-либо из авторов опубликовал что-нибудь противное этому, то они ошибались.

Совершенно же ошибочно приписывать мне мнение, что домашние животные могут пострадать от пищи, зараженной микробом куриной холеры. Я не хочу этим сказать, что при введении непосредственно под кожу иглой Пастера культуры этого микроба не вызываются более или менее тяжелые абсцессы; но я сейчас говорю о совершенно ином способе инфекции в результате заражения пищи. В этом последнем случае опасности не существует. Что же касается морских свинок, то мною экспериментально доказано, что введение непосредственно под кожу вызывает абсцессы, но не смертельные; и это несмотря на то, что микроб в них живет и размножается точно так, как в стеклянном сосуде.

Только что описанные результаты дали опыты, проделанные моими представителями в Австралии, докторами Жермон, Хиндс и Луар, совсем недавно, а именно, что пища, зараженная микробом куриной холеры, убила кроликов в течение суток и, напротив, не отразилась на жизни и здоровье домашних животных. Таким образом, эти явления протекают одинаково в любых климатах и в отношении всех обычных пород домашних животных. Могу добавить, что на французских фермах, где куриная холера довольно часто наблюдается среди домашних птиц, никогда не приходилось констатировать случаев заражения людей; а между тем, при вспышках на ферме подобных эпидемий большое количество животных забивается непосредственно перед падежом или за 1—2 дня до этого и потребляется в пищу жителями фермы.

Итак, нет никакой опасности в попытке уничтожения в полевых условиях того или иного рода грызунов при посредстве микроба куриной холеры. Вы сами рассказывали мне, что в Одесской микробиологической лаборатории были приняты успешные попытки уничтожения сусликов при помощи этого же микроба.²³³ Много легенд распространяют в микробиологии, дорогой Мечников, с тех пор как новая наука развивается во всевозможных направлениях. Могу даже Вам рассказать, что наши молодые представители в Австралии, посланные мной по желанию правительства Сиднея (Новый Южный Уэльс), встретили весьма странное противодействие со стороны лиц, казалось бы, вполне просвещенных или долженствовавших быть таковыми. Не превратится ли Ваша куриная холера, было им заявлено, в азиатскую холеру? Опровержением этим опасениям служит то, что я Вам выше рассказывал о случаях, происходящих на наших фермах в Европе, где подчас свирепствует куриная холера. В конце концов эти опасения основываются на простых предположениях или предвзятых мнениях. Виною всему этому является слово «холера». Отсюда вполне понятная ассоциация идей, но лишенная самого малого научного оправдания. Не существует никакой связи между микробом азиатской холеры и микробом куриной холеры. Примите и пр.

Л. Пастер.

ПИСЬМО ГУГО ДЕ-ФРИЗА МЕЧНИКОВУ 234

Амстердам, 19 апреля 1907

Милостивый государь!

Я горячо благодарю Вас за дар Ваших «Этюдов оптимизма», который Вы мне сделали. Я прочел их с большим интересом и пользой. Это — книга, которая должна делать своих читателей лучше. В течение всей своей жизни я много страдал от пессимизма, и я всегда был убежден, что это зло органического происхождения, с которым следует бороться как можно больше. Одним из лучших моих способов было убеждение, что моим долгом является сокрытие его проявлений. Однако всего лишь несколько лет я замечаю, что этот пессимизм пошел на убыль. Теперь я узнал из Ваших «Этюдов», что это — общее явление для моего возраста и, следовательно, более надежное. Я почерпнул из Ваших «Этюдов» уверенность, что этот пессимизм все более и более будет переходить в оптимизм и принесет мне удовлетворение своей работой. Я очень счастлив теперь тем, что никогда не допустил ошибки, отмечаемой Вами на 306-й странице такими страшными словами: «Никакой цели передо мной».

Я пишу Вам эти строки, чтобы показать, до какой степени я чувствую себя Вашим должником за написание Ваших этюдов и присылку их мне. Весьма преданный вам

Гуго де-Фриз.

На следующий день после отъезда И. И. Мечникова из Ясной Поляны Лев Николаевич высказал мне свои впечатления о И. И. и сообщил наиболее выдающиеся подробности из бесед, которые они вели. «И. И. произвел на меня самое приятное впечатление. Я не встретил в нем обычной черты узости специалистов, ученых людей. Напротив, широкий интерес ко всему и в особенности к эстетическим сторонам жизни.

С другой стороны, самые специальные вопросы и открытия в области науки он так просто излагал, что они невольно захватывали своим интересом.

Я был поражен его энергией: несмотря на ночь, проведенную в вагоне, он так был оживлен и бодр, что представлял прекрасное доказательство верности его гигиенического, отчасти даже нравственно-гигиенического режима, в котором, по-моему, важное значение имеет то, что он не пьет, не курит и ни в какие игры не играет.

— Вы говорили о художественных произведениях?

— Да. Между прочим, он никак не хотел верить, что я забыл содержание «Анны Карениной».

Я ему говорил, что если бы я теперь что-нибудь написал, то это было бы вроде второй части «Фауста», т. е. такая же чепуха. А он мне рассказал свое объяснение этой второй части, очень остроумное. ²³⁶

В разговоре мы вспомнили, что я знал его брата Ивана Ильича, даже моя повесть «Смерть Ивана Ильича» имеет некоторое отношение к покойному, очень милому человеку, бывшему прокурором тульского суда». ²³⁷

Лев Николаевич на минуту задумался и потом вспомнил еще один очень интересный эпизод.

После разговора о вегетарианстве, о котором говорили домашние, Мечников стал рассказывать о племени антропофагов, живущем в Африке, в Конго. Он рассказал интересные подробности о том, как они едят своих пленных. Сначала пленного ведут к военачальнику, который отмечает у него на коже тот кусок, который он оставляет для себя. Затем пленного поочередно подводят для таких отметок к остальным по старшинству, пока всего не исполосуют.

— Меня это в высшей степени заинтересовало,— продолжал Л. Н.,— и я спросил у Мечникова: «есть ли у этих людей религиозное мирозерцание?».

И на это он ответил. По его словам, они веруют в «обоготворение» предков. Я попросил сообщить мне более подробные материалы, касающиеся жизни этих людей, и он обещал мне прислать их, а также прислать свое сочинение «Les essais optimistes», в котором изложено его объяснение второй части «Фауста». ²³⁸

— Вообще,— сказал в заключение Лев Николаевич,— я от этого свидания получил гораздо больше всего того хорошего, чего ожидал». ²³⁹

ПРИМЕЧАНИЯ *

А. Е. ГАЙСИНОВИЧ

¹ «Русские ведомости», 1914, 1 января, № 1 (годовой обзор). 6.

² Статья Мечникова помещена в особом новогоднем приложении «Русских ведомостей», выпущенном под следующим заголовком: «1913. Россия дореформенная, земская и современная». Выпуском этого приложения газета отмечала пятидесятилетний юбилей земской и судебной реформы (1864). 6.

³ Мечников имеет в виду 50-е годы XIX в., к которым относятся его гимназические годы. То была эпоха, когда не только еще не было «классицизма» в средней школе, а, наоборот, древние языки были обязательны. По уставу 1849 г., была введена «бифуркация» с IV класса гимназий, по которому лишь для лиц, готовящихся к поступлению в университеты, были особые уроки по латинскому языку и, для желающих, по греческому. С 1851 г. греческий язык практически вовсе не преподавался и взамен его введено было преподавание естественных наук. Мечников поступил во 2-й класс гимназии в 1856 г. «То было время, полное нарождающихся надежд с наступлением либерального начала царствования Александра II. В гимназии оставались лишь незначительные следы николаевской эпохи с ее военной выправкой. Уже обнаружилось сильное влияние нового свободного духа. Узкое доктринальное преподавание и зубрение уступали место более рациональным идеям. Классические языки отступили на задний план, а на первый были выдвинуты история, литература и особенно физико-естественные науки» (О. Н. Мечникова. Жизнь И. И. Мечникова, М. 1926, стр. 23). 6.

⁴ Пирогов был командирован в Берлин в марте 1862 г. по распоряжению министра народного просвещения А. В. Головнина на четыре года. «Главное поручение, которое возлагается на Вас по воле государя, состоит в руководстве и направлении тех молодых ученых, коих министерство народного просвещения отправит за границу для приготовления к профессорскому званию и коим предписано будет являться к Вам и действовать по Вашим наставлениям» (цитирую по Штрайху. И. И. Мечников и Н. И. Пирогов. «Обществ. врач», 1916, № 10, 503—508). 7.

* Приводимые в примечаниях отрывки из писем и сочинений Мечникова напечатаны с отступом от края страницы. Цифра, стоящая в конце каждого примечания указывает страницу, к которой оно относится.

⁵ Мечников не мог быть включен в число кандидатов, выделенных университетами для отправки за границу, так как от Харьковского университета, который он тогда еще не окончил, уже был послан зоолог Степанов. После неудачной первой поездки (1862), еще до поступления в университет, Мечников вторично поехал за границу уже после его окончания в 1864 г. Лето 1864 г. Мечников провел на о. Гельголанд, изучая морскую фауну, а осенью поехал в Гиссен на съезд естествоиспытателей и врачей. Там он познакомился с знаменитым зоологом Лейкартом и остался работать в его лаборатории. Очевидно, по просьбе Мечникова, Лейкарт обратился к Пирогову с ходатайством о зачислении Мечникова в стипендиаты МНП (см. рассказ Мечникова об этом на стр. 66 настоящего сборника). Пирогов затребовал у Мечникова необходимые сведения (см. письмо Мечникова Пирогову в настоящем сборнике (стр. 159) и исходатайствовал ему в министерстве стипендию. Мечников числился стипендиатом МНП с 21 января 1865 г. по март 1867 г. О свидании Мечникова с Пироговым см. еще в его статье «О Н. И. Пирогове» (стр. 66 настоящего сборника). 7.

⁶ Премия имени Бэра была учреждена Академией Наук в 1864 г. в честь 50-летнего юбилея присуждения Бэру докторской степени. По положению премии присуждались в первую очередь «по части физиологии и анатомии и преимущественно эмбриологии», следовательно в той области, в которой особенно прославился Бэр. Лишь при отсутствии достойных эмбриологических работ премия могла быть присуждена «исследованиям палеонтологическим, произведенным с точки зрения зоологии или фитологии»; в последнюю очередь могли быть награждаемы работы по систематике, а «фауны и флоры могут быть удостоены премии только в том случае, если они обнимают значительные пространства в Российской империи». Премии присуждались комиссией под председательством Бэра. Как относился Бэр к работам Мечникова, видно из его письма к нему, призывающего к участию в конкурсе: «Я радуюсь Вашей энергии и способностям и надеюсь, что Вы составите честь Вашему отечеству... Мы надеемся, что Вы подадите сочинение на конкурс на премию моего имени — работу о развитии двукрылых» (см. в Приложениях, стр. 180—181, это письмо полностью). Мечников представил, помимо своей большой работы о развитии насекомых («Embryologische Studien an Insecten». Zs. Wiss. Zool., 1866, 16, 389—500), еще две, более мелкие работы. В конкурсе участвовал и А. Ковалевский, представивший пять работ. Премия была присуждена обоим пополам.

Мечникову еще дважды присуждалась премия имени Бэра — в 1870 г. (снова пополам с А. Ковалевским) и в 1891 г. (пополам с В. Заленским). 7.

⁷ П. Т. Степанов учился в Харьковском университете в 1857—1861 гг., М. С. Ганин в 1859—1863 гг., Мечников в 1862—1864 гг., В. В. Заленский в 1864—1867 гг. 7.

⁸ Вот что пишет об этом О. Н. Мечникова, очевидно, со слов И. И.: «В то время как в гимназию широко проникло новое направление,

Харьковский университет оставался крайне отсталым. Это зависело от того, что учителя гимназии были молодые люди, сами недавно окончившие курс, профессора же большей частью были пожилыми людьми старого закала. Скорее чиновники, чем ученые, они довольствовались старинными методами преподавания. Лекции читались по отсталым учебникам; практических занятий почти вовсе не было. Некоторые из старых профессоров пили, другие относились к своему делу халатно или починовнически. На естественном и медицинском факультетах в то время было только два молодых адъюнкта (доцента) нового направления, настоящих ученых и «учителей» молодежи. Это были: химик Бекетов и физиолог Щелков. У них одних можно было серьезно заниматься; остальные лекции были одной формальностью» («Жизнь Мечникова», стр. 54). 7.

⁹ Мечников, очевидно, имеет в виду блестящие лекции К. Ф. Рулье (профессора зоологии Московского университета с 1836 г. и с перерывами до 1858 г.). Преемниками его были А. П. Богданов (с 1858 г.), Я. А. Борзенков (с 1858 г. читал зоологию и сравнительную анатомию) и С. А. Усов (с 1861 г. преподавал зоологию позвоночных). Все они старались продолжить традицию Рулье и живо откликались на общебиологические идеи того времени. 8.

¹⁰ Теория плеоморфизма отрицала видовую специфичность микробов и утверждала, что один и тот же вид бактерий может, видоизменяясь, вызывать совершенно различные химические и болезнетворные процессы.

Мечников сам пытался использовать учение о плеоморфизме для объяснения больших колебаний в вирулентности (болезнетворной силе) бактерий («*Contribution a l'étude du pléomorphisme des bacteries*». Ann. de l'Inst. Pasteur, 1889). Описав новый грибок, вызывающий смертельную болезнь дафний (род низших рачков), он назвал его в честь Ценковского *Spirobacillus Cienkowskii* как «одного из поборников теории плеоморфизма».

В настоящее время теория плеоморфизма отвергнута наукой, признающей и для микробов такую же видовую обособленность и специфичность, как и для высших многоклеточных организмов. Это не исключает, конечно, наличия у микробов разновидностей и значительной изменчивости, как морфологической, так и физиологической. 8.

¹¹ Ценковский покинул Новороссийский университет в апреле 1871 г. в знак протеста против неутверждения Советом университета профессором химика А. А. Веригу. Доцент Верига был избран физико-математическим факультетом (по представлению профессоров Соколова, Ценковского, Мечникова и др.) профессором химии. Однако Совет университета, придравшись к некоторым формальностям, дважды отказал факультету в утверждении его решения. Повидимому, это было результатом интриг некоторых профессоров-националистов против поляка по национальности. Ценковский подал университету резкое заявление и покинул его, не-

смотря на попытки уладить конфликт (см. Маркевич. Двадцатипятилетие Новороссийского университета. Одесса, 1890, стр. 388, 422).

В попытках отговорить Ценковского от ухода участвовал и И. М. Сеченов, ставший как-раз незадолго до этого (в марте 1871 г.) профессором Новороссийского университета. Он писал об этом Мечникову, бывшему тогда в заграничной командировке: «Первое лицо, с которым познакомился по приезде, был, разумеется, Ценковский, и он понравился мне, как редко кто. Вначале я было, надеялся, что его можно вернуть и даже начал действовать соответственным образом, но вскоре он заупрямился и просил меня прекратить дело. Уехал он в 20-х числах сентября и с тех пор никому не пишет» (письмо от 7/XII 1871 г., «Борьба за науку в царской России», М. 1931, стр. 78). Вместе с Ценковским ушел из университета и проф. Соколов. Повидимому, Ценковский ожидал, что так же поступят Мечников и Сеченов (см. «Борьба за науку», стр. 130—133, письма его к Мечникову в связи с инцидентом). Однако Мечников в связи с затруднительным материальным положением (связанным с тяжелой болезнью жены) не решился на это. По этому поводу О. Н. Мечникова пишет: «Илья Ильич был на его стороне, рвался поступить так же, как он, но это было ему недоступно, и он глубоко страдал» (О. Н. Мечникова. Жизнь И. И. Мечникова. М. 1926, стр. 59). Сеченов добился вскоре утверждения Вериги профессором (см. его рассказ об этом в вышеупомянутом письме к Мечникову). 8.

¹² Мечников познакомился с Ценковским еще в 1867 г. в Крыму. Вот как описывает О. Н. Мечникова их отношения: «Ценковскому было тогда сорок шесть лет; Илье Ильичу — всего двадцать два; тем не менее они быстро сошлись. Ценковский был выдающимся, культурным, европейским человеком, большим спорщиком и скептиком. Несмотря на свое страстное отношение к науке, критический ум его подвергал все строгому анализу. Он интересовался Илей Ильичем и отнесся к нему с большой симпатией, что, однако, не мешало ему часто строго критиковать его. Он особенно нападал на него за несдержанность и отечески взялся «цивилизовать» чересчур пылкого, импульсивного и часто резкого юношу. Он доказывал ему невозможность всегда идти напролом, необходимость сообразоваться с мнением других, проповедывал ему терпимость, самообладание, даже неизбежность подчинения известным общепринятым условностям, против которых Илья Ильич восставал с юношеской прямолинейностью. Ценковский имел большое влияние на него. Илья Ильич старался сообразоваться с его советами, поскольку позволяла это его страстная натура. Часто даже в последующей жизни любил он приводить изречения своего старого друга» («Жизнь Мечникова», стр. 48). 9.

¹³ Ценковский провел в Харькове последние 15 лет своей жизни (1871—1887), занимая кафедру ботаники в университете. В 1882 г., по поручению Вольного экономического общества, Ценковский ездил в Париж к Пастеру для изучения прививок против сибирской язвы. Однако,

так как Пастер отказался принять его к себе в лабораторию, Ценковский самостоятельно освоил методы производства вакцин. Работая бактериологом в Херсонском земстве (1883—1886), Ценковский широко применил противосибиреязвенные вакцины на стадах овец своего ученика, богатого помещика Г. Л. Скадовского. Против этих опытов резко выступил Мечников (18 мая 1888 г. на заседании Общества сельского хозяйства южной России; см. «Отзыв Мечникова о белозерском опыте предохранения овец от сибирской язвы». «Одесский листок», 1888, № 140), критикуя методику изготовления вакцин и работу Комиссии по проверке результатов опытов. Ему не менее резко отвечал Г. Л. Скадовский («Новороссийский телеграф», 1888, № 4109, 4110), обвиняя его и Н. Гамалея в пристрастии и в заинтересованности пропаганды методов Пастера, продавшего свое открытие французскому акционерному обществу. 9.

¹⁴ Среди учеников Ценковского укажем акад. М. С. Воронина (1838—1903) и акад. А. С. Фаминцына (1835—1918). У Ковалевского учились или работали проф. Н. В. Бобрецкий (1843—1908), акад. Н. В. Насонов (1855—1939), М. А. Шульгин (1851—?), К. Н. Давыдов, С. И. Метальников и другие. 9.

¹⁵ В конце 50-х годов были за границей будущие физиологи: И. М. Сеченов (1856—1860), П. И. Эйнбродт (1858—1861), И. П. Щелков (1858—1861), И. Ф. Цион (1858—1861). Основная масса молодых специалистов была послана в 1862 г., когда для руководства над ними был направлен за границу Н. И. Пирогов (см. прим. 4). Тогда были посланы специализироваться по физиологии А. И. Бабухин, Н. И. Бакст, Н. О. Ковалевский. Несколько позже ездил И. М. Догель (1865—1868), Шефер, Томса и другие. Интересно отметить, что все они, подобно Сеченову, среди других иностранных профессоров учились у Людвига, а кроме того, у Дюбуа-Реймона, Гельмгольца и многих других корифеев. 9.

¹⁶ Знаменитая работа Сеченова о центрах головного мозга, тормозящих спинномозговые рефлексы, была опубликована в 1863 г. по-французски, немецки и русски («Исследования центров, задерживающих отраженные движения в мозгу лягушки». «Медицинский вестник», № 1, 2, 3). «Рефлексы головного мозга» были сначала напечатаны в «Медицинском вестнике» за 1863 г. (а не 1864 г., как пишет Мечников). Первоначальное название было: «Попытка ввести физиологические основы в психические процессы», однако редактор журнала, ссылаясь на цензуру, просил изменить его (И. М. Сеченов. Автобиографические записки. М. 1907, стр. 125; см. подробнее об этом: Коштыя н. ц. Сеченов, М. 1945, стр. 64 и сл.). 10.

¹⁷ См. «Воспоминания об И. М. Сеченове» в настоящем сборнике, стр. 45 и сл.— 10.

¹⁸ Павлов избрал своей специальностью физиологию под влиянием лекций проф. Циона, которого он слушал в Медико-хирургической академии (1872—1874). Под руководством Циона Павлов (совместно с М. И. Афа-

насевым) сделал одну из первых своих работ об иннервации деятельности поджелудочной железы («Pflüger's Archiv», Bd. XV, 1878). 11.

¹⁹ Мечников имеет в виду опубликованную в 1863 г. по-немецки и по-русски работу «Исследования о Штиле Вортицеллей» («Записки Академии Наук», т. 4, стр. 45—50). Вот что пишет об этом О. Н. Мечникова: «Щелков также советовал ему поступить на естественный факультет, более подходящий для чисто научной деятельности. Илья Ильич на это и решился и стал заниматься физиологией в его лаборатории. Так как юноше хотелось сейчас же приняться за самостоятельную работу, то Щелков предложил ему исследовать стебелек одной речничной инфузории — сувойки, или вортицеллы. Надо было установить, представляет ли этот стебелек аналогию с мускульной тканью и так же ли, как она, относится к различным реактивам. Тщательные исследования привели Илью к отрицательным выводам. Свои результаты он напечатал в 1863 г. в «Мюллеровском архиве». Вскоре появилась статья знаменитого физиолога Кюне, который вызываясь резко опровергал его. Это крайне огорчило молодого человека; однако возражения еще более возбудили его энергию. Он тотчас повторил свои опыты и, получив прежние результаты, ответил Кюне также довольно резко, задетый тоном его статьи» («Жизнь Мечникова», стр. 34—35).

Однако следует иметь в виду, что Мечников неточен, называя эту работу «первой». Как известно, уже в 1862 г. Мечников написал статью об инфузориях и послал ее для напечатания в «Бюллетень Московского общества испытателей природы», о чем есть протокольные данные [в протоколе от 13 декабря 1862 г., см. «Бюлл. Общ. испыт. природы», т. 35 (90): «Мечников посылает некоторые наблюдения о жизни инфузорий»]. Как пишет О. Н. Мечникова, статья по требованию Мечникова не была напечатана: «Он был обрадован согласием редактора поместить его статью, но тут же нашел, что сделал ошибочные выводы, приняв явления дегенерации за размножение. Тотчас написал он в редакцию, чтобы остановить печатание. Так эта первая статья и не увидела света» (Жизнь Мечникова, стр. 26).

Но, повидимому, она ошибается вслед за самим Мечниковым. Статья была опубликована, но не в «Бюллетене», а в «Вестнике естественных наук», научно-популярном журнале, издававшемся Обществом испытателей природы. Ее публикация, возможно, осталась неизвестной Мечникову потому, что она осуществилась не только в другом журнале, но и значительно позже, в 1865 г. Еще курьезнее то обстоятельство, что она помещена в последнем выпуске этого журнала за... 1860 г., который вышел с опозданием почти в пять лет. В № 47—52 этого журнала мы находим статью «Некоторые факты из жизни инфузорий, статья Ильи Мечникова из Харькова» (стр. 1564—1569). В конце статьи имеется дата написания — «ноябрь 1862 г.» Таким образом, статья эта является первой научной публикацией Мечникова, что осталось неизвестным самому автору (по-

дробнее см. А. Гай си но в и ч. Первые научные интересы И. И. Мечникова. Бюлл. Общ. исп. прир., 1946, отд. биол.). 11.

²⁰ Вот что пишет об этом Сеченов в своих «Записках»: «Тонкая диагностика была его страстью, и в приобретении способов к ней он упражнялся столько же, как артисты, вроде Ант. Рубинштейна, упражняются в своем искусстве перед концертами. Раз, в начале своей профессорской карьеры, он взял меня оценщиком его умения различать звуки молоточка по плессиметру. Становясь посредине большой комнаты с зажмуренными глазами, он велел обертывать себя вокруг продольной оси несколько раз, чтобы не знать положения, в котором остановился, и затем, стуча молотком по плессиметру, узнавал, обращен ли плессиметр к сплошной стене, к стене с окнами, к открытой двери в другую комнату или даже к печке с открытой заслонкой» («Автобиографические записки», стр. 65). 11.

²¹ Давэн изучал кровь сибиреязвенных животных еще в 1850 г. Однако лишь после того, как Пастер в 1861 г. показал, что маслянокислое брожение вызывается «палочкой» (микробом), Давэн начал поиски безветворных сибиреязвенных бактерий, что и увенчалось успехом. Свой доклад об этом он сообщил Парижской Академии наук 27 июля 1863 г. (см. подробнее: Мечников. Основатели современной медицины. М., 1915, стр. 45—48). 12.

²² «Вестник Европы», 1902, № 12, стр. 772—799. 14.

²³ Говоря об отвлечении «общего внимания... в сторону», Мечников, повидимому, имеет в виду то оживление общественно-революционных настроений в России, массовые забастовки и демонстрации, которые отмечают 1902 и последующие годы — время написания статьи — как годы нарастания предреволюционной грозы. Следует иметь в виду, что Мечников постоянно противопоставлял науку «политике», считая их несовместимыми. На ошибочности и непоследовательности в этом взглядов Мечникова нам неоднократно придется останавливаться (см. прим. 48, 102, 104). 14.

²⁴ См. об этом прим. 3. Однако к Ковалевскому это прямого отношения не может иметь, так как он получил первоначальное образование дома, в имении отца, и в гимназии не учился («Первоначальное воспитание получил дома»; см. А. Богданов. Материалы для научной и прикладной деятельности в России по зоологии... т. 1, М. 1888, где помещена автобиография (?) А. О. Ковалевского). 14.

²⁵ Мечников повторяет здесь в основном ту же характеристику университетского преподавания, которую он дал в предыдущей статье специально Харьковскому университету (см. стр. 7—8 и прим. 8). 15.

²⁶ Из упоминаемых Мечниковым произведений полностью запрещенным было лишь сочинение Бюхнера «Kraft und Stoff» (1855). Именно оно и было поэтому издано в нелегальном гектографированном издании московским революционным кружком студентов в 1860 г. («Сила и материя. Естественная философия в общепонятном изложении»). Что же касается сочинений К. Фогта, то большинство из них было переведено и

издано на русском языке («Зоологические письма», СПб, 1864, под редакцией и в издании В. О. Ковалевского; «Человек и его место в природе». СПб. 1866; «Физиологические письма». СПб, 1867, и другие). Произведения Я. Молешотта также имелись в русском издании («Антропология», СПб. 1865, издание В. О. Ковалевского; «Единство жизни» и «Граница человека» в сборнике «Общий вывод положительного метода». СПб. 1866). 15.

²⁷ А. О. Ковалевский работал, повидимому, не у самого Бунзена, а у одного из его учеников, Людвиг Каруса (L. Carius 1829—1875). Карус был до 1861 г. ассистентом, а затем приват-доцентом у Бунзена. Под его руководством Ковалевский опубликовал по-немецки в 1861 г. две небольшие работы: «О воздействии ангидрида серофосфорной кислоты на метиловый и амиловый спирт» и «О существовании метастирола». Таким образом, Мечников вовсе не ошибается утверждая, что химические работы Ковалевского вышли «из школы Бунзена». 19.

²⁸ Хотя Бронн и явился первым переводчиком «Происхождения видов», он не был сторонником теории Дарвина. В своих палеонтологических и общепалеонтологических работах, опубликованных (1858) перед самым появлением учения Дарвина, Бронн отстаивал чисто натурфилософские взгляды на процесс «совершенствования» органического мира. Он искал какие-то внутренние «законы развития», определявшие смену примитивных форм более совершенными. При этом он не допускал происхождения одних от других, а принимал непрерывное создание новых видов взамен вымирающих старых. Таким образом, Бронн никак не мог повлиять на Ковалевского в смысле «привлечения его в число адептов нового учения», как пишет Мечников. Однако, общение с Бронном, естественно, помогло Ковалевскому очень рано познакомиться с новым учением и принимать постоянное участие в обсуждении животрепещущих научных проблем, возбужденных Дарвином. Если Ковалевский стал убежденным дарвинистом, то вопреки многочисленным нападкам, посыпавшимся на Дарвина со стороны старых ученых, в числе которых был и Бронн.

^{28a} Вопрос о влиянии книги Ф. Мюллера на начало эмбриологических исследований Ковалевского весьма спорен. Прежде всего, сам Мечников далее указывает, что еще «во время своего пребывания в Тюбингене Ковалевский составляет себе обширный план самостоятельных работ» (стр. 21). Однако, как известно, в Тюбингене Ковалевский был в 1862 г., а в 1863 г. вернулся в Россию. Книга Ф. Мюллера вышла, повидимому, в начале 1864 г. (предисловие к ней подписано им в Южной Америке 7 сентября 1863 г.). Сомнительно, чтобы Ковалевский мог ознакомиться с ней до приезда в Неаполь, куда он прибыл в октябре 1864 г. Но и независимо от этого план работ Ковалевского, хотя бы в выборе объектов исследования, не обнаруживает влияния книги Мюллера. Как известно, Мюллер доказывает свои положения исключительно на ракообразных. Между тем, пишет Ковалевский, «при посещении Неаполя в

1864 г., моей первой заботой было изучить историю развития *Amphioxus*. И в дальнейшем Ковалевский не работал над эмбриологией ракообразных. Выбор его первых объектов исследования явно обнаруживает наличие каких-то других, особых, соображений. Быть может, в этом выборе сказалось влияние школы Лейдига, в отрицании которого Мечников также ошибается, и влияние близкого его друга Н. Д. Ножина (впоследствии переводчика книги Мюллера). К сожалению, литературное наследие Ножина осталось почти неопубликованным и, повидимому, утеряно после его ранней смерти (1866). Не на него ли намекает Мечников далее, говоря о влиянии на Ковалевского «окружавшей его молодежи»? (стр. 21). 20.

²⁹ Работа Ковалевского «Анатомия морского таракана *Idothea entopot* и перечень ракообразных, которые встречаются в водах С.-Петербургской губернии», напечатана в сборнике «Естественно-исторические исследования С.-Петербургской губернии, производимые членами Русского энтомологического общества», т. I. СПб. 1864 (стр. 241—265). 20.

³⁰ Открытие казанским профессором Н. П. Вагнером явления размножения личинок насекомых было сделано в 1861 г. и опубликовано им в следующем году («Самопроизвольное размножение гусениц у насекомых». Казань. 1862). Вагнер обнаружил это явление у личинок орехотворчатых комаров (цецидомий), внутри которых образуются дочерние личинки, выходящие из материнской личинки путем ее поедания. Это открытие произвело большую сенсацию среди иностранных ученых, не сразу поверивших в него. Академик К. Бэр, также весьма заинтересовавшийся этой новой формой размножения, дал (1864) ей наименование педогенезиса («детское размножение»), и, по его отзыву, Н. Вагнеру была присуждена Демидовская премия Академии Наук. Вагнер и современники ошибочно полагали, что педогенезис является формой бесполого размножения. Спорным являлся вопрос, где и из каких клеток возникают дочерние личинки. Об этом вел оживленную полемику Мечников с Ганиным в 1865—1866 гг. (см. письмо Бэра к Мечникову на стр. 180—181 настоящего сборника и примечания к нему). В настоящее время установлено, что педогенезис является частным случаем партеногенезиса, т. е. является формой полового размножения без оплодотворения. 23.

³¹ Ланцетник (*Amphioxus*) является представителем низших позвоночных животных, так наз. бесчерепных. Поэтому обнаружение (1865) Ковалевским того обстоятельства, что развитие его протекает совершенно сходно с беспозвоночными, произвело огромное впечатление и доказывало происхождение позвоночных от беспозвоночных, а главное, показало единство закономерностей развития обоих этих разделов животного мира, что отрицалось до этого (см. ниже об этом у Мечникова). 23.

³² Ковалевский защищал магистерскую диссертацию в декабре 1865 г. при Петербургском университете («История развития *Amphioxus lanceolatus* или *Branchiostoma lumbricum*». Диссертация для получения степени

магистра зоологии. СПб. 1865, 47 стр., 3 табл.). Не следует думать, что результаты, полученные Ковалевским, были сразу приняты и встречены положительно. Мечников умалчивает о том, что никто иной, как он сам, стал в резкую оппозицию к выводам Ковалевского. Так, уже на защите диссертации Мечников выступил против диссертанта. Вот что сообщает об этом ученик Ковалевского К. Н. Давыдов: «Как нам рассказывал сам Ковалевский, в день защиты диссертации один оппонент публично заявил, что „все это — недоразумение“: никогда, ни у какого животного первичная кишечная трубка не образуется столь странным образом». Возражавшим был Мечников» (D a w y d o f f. *Traité d'embryologie comparée des invertébrés*. Paris. 1928, стр. 899—900. См. также его же статью о Ковалевском в «Природе», 1916, стр. 476). Мечников не ограничился выступлением на магистерском диспуте. В следующем, 1866 г. Мечников в своей статье «О развитии низших ракообразных в яйце» («Натуралист», 1866, № 5, стр. 65—72) повторяет свои возражения против выводов Ковалевского. Мнение Мечникова произвело соответствующее впечатление, так как его научные статьи уже обратили на себя всеобщее внимание. Поэтому неудивительно, что и редакция «Натуралиста» встретила диссертацию Ковалевского очень сдержанно (см. «Натуралист», 1866, стр. 197—198) и напомнила о возражениях Мечникова.

Ковалевский собирался сначала печатно отвечать Мечникову. Вот что он писал Мечникову 11 июня 1866 г. из Неаполя: «Вашу ругательную статью я получил еще в Мессине, и у меня уже давно написан ответ, да он как-то залежался; впрочем, на-днях непременно пошлю его Михайлову [редактору «Натуралиста». — А. Г.]... Как бы там ни было, я на прошлой неделе повторил опять мои наблюдения, просидел всю ночь и не пропустил ни одного шагу, так что теперь у меня от яйца до зародыша (табл. 1, р. 21) исследование совершенно полное... Теперь, я думаю, мои рисунки будут более убедительны».* Однако свое возражение Ковалевский почему-то не послал, либо оно не было опубликовано.

Ковалевский ответил на возражения Мечникова лишь в своей докторской диссертации («Анатомия и история развития *Phoronis*». СПб. 1867, стр. 27—31). Он пишет там, между прочим: «В «Натуралисте» появилась статья г. Мечникова, где он говорит, что мои утверждения противоречат всем существующим фактам, что ни пищеварительный канал, ни полость тела никогда так не образуются, что мы уже имеем ряд классических исследований о переходе сегментационной полости в полость пищеварительного канала и что, следовательно, мои исследования подлежат сомнению. В мое нынешнее пребывание в Неаполе я вновь повторил и значительно дополнил мои прошлогодние исследования и убедился

* Письмо не опубликовано. Здесь и в дальнейшем я неоднократно буду приводить выдержки из неопубликованной переписки А. О. Ковалевского с Мечниковым, в основном хранящейся в Музее памяти Мечникова в Москве, специально этого не оговаривая. В отношении же всех опубликованных материалов мною даются точные ссылки на источник.

в полной верности всех прежних данных как относительно развития полости тела, так и пищеварительного канала».

Мечников и в дальнейшие годы в своей переписке с Ковалевским и в обзорных статьях еще долго не соглашался с рядом научных положений работ Ковалевского (см. статью Мечников в *Современное состояние науки о развитии животных*. Ж.М.Н.П., март 1869, стр. 177—181, а также прим. 92). Эти разногласия очень волновали и огорчали обоих. Позже Ковалевский признавался Мечникову: «Ваши статьи, например, мне казались часто ужасно резкими (по тону) относительно меня, но из-за этого мы не подрались, а в конце концов мирно относились друг к другу» (письмо IX/1873). Позже Мечников признал ошибочность своих утверждений. 25.

³³ Мечников имеет в виду следующую книгу Клейненберга: N. Kleinenberg. *Hydra. Eine anatomisch-entwicklungsgeschichtliche Untersuchung*. Leipzig. 1872. 30.

³⁴ Геккель впервые сформулировал теорию гастрей во втором томе своей монографии об известковых губках («Die Kalkschwämme», Bd. II, Berlin, 1872). Однако широкое обоснование и подробное изложение ее он дал в ряде статей, начиная с 1874 г. В них Геккель широко использует работы Ковалевского. Так он, между прочим, пишет: «Для меня особую ценность представляли выдающиеся исследования онтогении различных низших животных, опубликованные А. Ковалевским за последние семь лет (в «Мемуарах Петербургской Академии»), являющиеся, на мой взгляд, важнейшими и наиболее плодотворными из всех новейших работ в области онтогении» (см. Мюллер-Геккель. *Основной биогенетический закон*. М. 1940, стр. 201). 30.

³⁵ В своей оценке Геккеля и его теорий Мечников чрезвычайно резок. Это объясняется тем, что он всегда выступал против теории гастрей. Свои доводы против теории Геккеля Мечников черпал из своих образцовых работ по эмбриологии губок и кишечнополостных, единственных типов животных, у которых первые этапы развития не идут по той схеме, которая следует из теории гастрей. Уже в 1874 г. Мечников указал, что Геккель развитие губок «придумал а priori». В дальнейшем Мечников обнаружил у губок и кишечнополостных, вместо гастрюлы, особую форму развития, которую он назвал паренхимой. На основании обнаруженных им новых фактов Мечников создал, в противовес теории гастрей Геккеля, свою теорию паренхимеллы.

Вопрос о том, какая из этих теорий верна, окончательно не решен. Скорее всего обе они применимы для разных этапов истории животного мира. В общем, хотя Мечников прав, обвиняя Геккеля в чрезмерной поспешности в своих теоретических выводах, но роль последнего в истории формирования эволюционных идей неоспорима. Однако это не мешает всячески подчеркнуть то значение, которое имели работы Ковалевского для создания теории Геккеля. Это сделать тем более необходимо, что соотечественники Геккеля и вслед за ними иностранные и, к стыду на-

пешу, многие русские авторы, замалчивая или забывая источники его теорий, не только не отмечают в должной мере значение работ Ковалевского, а иногда даже зачисляют его в... ученики или последователи Геккеля (см. об этом у А. Д. Некрасова. А. О. Ковалевский. Усп. совр. биол., 1940, т. XIII, стр. 551). 33.

³⁶ Ковалевский обнаружил самца *Bonellia* в 1869 г; его статья об этом появилась в следующем, 1870 году: «О планариеобразном самце *Bonellia*» (Зап. Киевск. общ. естествоисп., т. 1, вып. 1, стр. 101—107). 34.

³⁷ Планы Ковалевского в отношении Красного моря были связаны с открытием Суэцкого канала 16 ноября 1869 г. Ковалевского осенила мысль исследовать судьбу морских животных Красного и Средиземного морей, вступивших впервые в соприкосновение в результате прорытия канала. 19 января 1870 г. Ковалевский выдвинул на заседании Киевского общества естествоиспытателей план экспедиции на Красное море. «С прорытием Суэцкого канала воды Красного и Средиземного морей, точно так же как и флоры и фауны, встречаются между собой, а так как свойства обоих морей до крайности различны, то и непременно результатом этой встречи будет значительное изменение как физических, так и фаунических условий местностей, недалеко отстоящих от устьев канала». «Растительные и животные формы того и другого моря... должны будут подвергнуться влиянию новой для них среды и во многих случаях вступить в борьбу за существование; не подлежит сомнению, что результатом этого слияния морей явится вскоре образование новых разновидностей и видов» («Предложение о снаряжении экспедиции в Красное море для исследования фауны». Зап. Киевск. общ. естествоисп., т. 1, вып. 2, стр. 299—302). Ковалевский сумел осуществить свой замысел лишь в конце 1870 г. 34.

³⁸ Вот что пишет об этом дочь А. О. Ковалевского: «Одним из любимых рассказов (родителей.— А. Г.) было описание путешествия на Красное море в 1870 г., куда повезли и меня, когда мне не было еще и году. Из экономии ехали, кажется, на парусном судне из Италии в Александрию, выдержали ужасную качку и чуть ли не худшую на верблюдах при переходе из Александрии в Эль-Тор (у подножья Синая). Там жили в палатке, питались только рисом и финиками, а меня нянчил туземец араб. Купали в большой раковине — *tridacna*. Назад вернулись через Иерусалим, Родос, Константинополь» (В. А. Ковалевская. Чистович. Александр Онуфриевич Ковалевский. Воспоминания дочери. «Природа», 1926, № 7—8, стр. 9).

О пребывании на Красном море Ковалевский подробно писал Мечникову. Приводим некоторые отрывки из этих писем. 11 декабря 1870 г. Ковалевский писал из Тора: «Что касается вообще Красного моря, то я покидаю слишком недолго живу на нем, чтобы что-нибудь сделать; вот краткая история моего пребывания. В Судане я пробыл 8 дней и ничего не мог сделать, прожил в это время почти 300 фр. и едва убрался в Тор... В Торе прожил 8 дней, исследовал развитие двух кораллов и затем по-

ехал на несколько дней в Ras Mohamed, т. е. к мысу, которым оканчивается Синайский полуостров, месту, восхваляемому здешними рыбаками. Там прожил 6 дней, собрал тьму превосходного добра, но сделать уже и потому ничего не мог, что должен был жить в лодке, а следовательно, и с лупой работать не было возможности, да экскурсии поглощали все силы... Вообще, море мне очень понравилось, и я решил остаться на нем до лета, но, как всегда, я один не могу прожить и еду сегодня в Суэц, а оттуда в Александрию, чтобы встретить Таню и Веру [жену и дочь А. О.] и перееду с ними или в Тор, где и дешевле и хорошо жить, или увлекусь, быть может, югом и поеду в Джедду.» По своему возвращении с Красного моря Ковалевский писал: «В Торе я прожил целых три месяца, т. е. от 24 января до 24 апреля, и, несмотря на этот долгий промежуток времени, несмотря на самое горячее желание работать, почти ничего не сделал; все это время дул сильный северный ветер, так что плавающие формы были сведены почти на сагит да дафний, ни кораллы, ни моллюски не развивались, так что и располагая даже множеством взрослых зверей, я мог только любоваться ими. В апреле мы, наконец, уехали из Тора,— жара становилась уже весьма сильной, и все усиливающийся северный ветер не давал никакой надежды добраться в Суэц на лодке; мы раз даже выехали в путь, но на следующий день, прокачавшись очень долго, должны были вернуться обратно в Тор и пуститься сухим путем. Кое-как после шестидневного шествия на верблюдах мы добрались до Суэца и затем через Порт-Саид в Яффу, где и застряли покуда, отчасти в ожидании денег, отчасти по другим причинам.» (Письмо от 27 июля 1871 г.). 34.

³⁹ Неаполитанская зоологическая станция была открыта в 1874 г. Она была организована Антоном Дорном как на личные средства, так и при широкой поддержке ученых всего мира. Дарвин встретил идею организации станции с энтузиазмом. Он совместно с Лайеллем, Гексли и Леббоком собрал среди английских натуралистов 1000 фунтов стерлингов на постройку станции. В России Карл Бэр поддержал это мероприятие. Ряд правительств, в том числе и русское, арендовал постоянные места на станции для своих ученых. СССР по сей день оплачивает два места на станции (см. Щепотьев. Антон Дорн и зоологическая станция в Неаполе. Вестник Европы, 1910, № 6; И. Шмальгаузен. Антон Дорн, в книге: А. Дорн. Происхождение позвоночных животных и принцип смены функций, М. 1937, стр. 10—15). 34.

⁴⁰ Так Ковалевский писал Мечникову 12 (24) сентября 1873 г.: «Я хотел было ехать к Вам, чтобы слезно молить избавить меня от киевского ада. Здесь мне теперь хуже, чем в прошлом году; все относится больше чем враждебно. В прошлом году, когда Вы были здесь, они думали, что я скоро перейду, и были любезнее; теперь же мне становится ужасно тяжело». 35.

⁴¹ Как видно из переписки Ковалевского с Мечниковым, последнему удалось это при помощи весьма хитроумных мероприятий при содействии

С. П. Голубцова, попечителя Одесского учебного округа, бывшего в дружбе с министром Д. А. Толстым. Воспользовавшись пребыванием в Киеве Толстого и Голубцова, Ковалевский окончательно добивается у них разрешения в переходе из Киевского в Новороссийский университет. Вот как излагает дело о переходе Ковалевского историограф Новороссийского университета: «В начале 1873 г. пр. Мечников, Сеченов и Вальц представили в сверхштатные (за отсутствием кафедры) ординарные профессора знаменитого зоолога, в то время профессора Киевского университета — А. О. Ковалевского... Факультет в 1873 г. его избрал, хотя и было мнение, что на кафедре зоологии профессоров много, а на других, например, на кафедре математики, их недостаточно. Совет 18 января тоже избрал А. О. Ковалевского, отнеся его жалование на остатки от суммы на личный состав университета. Министр отказал в сверхштатной ординатуре зоологии, точно так же отказал он Совету и во второй раз, когда Совет осенью 1873 г. снова ходатайствовал о назначении А. О. Ковалевского; но зимой 1873 г. попечитель С. П. Голубцов виделся в Киеве с гр. Дм. Андр. Толстым и испросил у него согласие на учреждение сверхштатной ординатуры по зоологии и перемещение проф. Ковалевского. Сообщив об этом Совету, С. П. Голубцов писал, что необходимо постановление об отнесении расходов на эту ординатуру на счет остатков. Новое ходатайство Совета после этого было уважено, и А. О. Ковалевский в начале 1874 г. утвержден ординарным профессором по кафедре зоологии Новороссийского университета» (И. А. Маркевич. Двадцатипятилетие Новороссийского университета. Одесса. 1890, стр. 430—431).

Передавая свой разговор с Толстым, Ковалевский, между прочим, пишет в письме к Мечникову: «В виду новых настояний он несколько не хочет задерживать меня в Киеве, если мне здесь плохо живется. Далее говорил, что благодарен мне за мнение, что я сказал только правду, что он это теперь положительно знает. На отговорку, что у Вас море и ес., он и рукой махнул, а суть сводит на мои неприятности с Киевским университетом» (письмо от 30 сентября 1873 г.).

После окончательного успеха дела Ковалевского он писал Мечникову: «Я уже собирался послать Вам сегодня письмо с жалкими словами, как неожиданно принесли в 9 часов вечера и Ваше письмо от 28 октября и депешу. Весьма и весьма Вам благодарен за все хлопоты, решительно Вам одним я обязан благоприятным исходом этого дела, без Вас оно бы наверно застряло на последнем постановлении Совета» (письмо от 3 ноября 1873 г.). 36.

⁴² О жизни А. О. Ковалевского в Одессе сообщает в упомянутых воспоминаниях его дочь: «жизнь в городе была не по душе А. О. и не соответствовала его здоровью. Вечно волнующийся, с постоянными мучительными головными болями он с трудом переносил городскую сутолоку. Горячая любовь к природе, стремление жить к ней близко и забота о гигиенической обстановке для детей побудили его купить уже в 1876 г. на окраине Одессы — Молдаванке — дом с большим садом. Тогда

это было совершенно глухое предместье, с темной немощеной улицей, без водопровода. Зато сад был чудесный, с редкими для юга хвойными растениями, массой цветов и фруктов. А. О. с увлечением занимался разведением роз, фруктовых деревьев, винограда, спаржи, вечно возился с каталогами садоводств и очень гордился подобранными им ранними сортами земляники и винограда. Завел образцовый пчельник со стеклянным ульем и вообще все досуги проводил на воздухе, за садовой физической работой и нас всех приучил помогать ему в этих занятиях. А. О. посвящал детям много времени, читал нам вслух, следил за учением, постоянно был в курсе педагогических течений. Мы много экскурсировали с ним, помогали в собирании нужного ему материала и были в курсе работ — конечно, по мере разумения». (В. А. Ковалевская-Чистович, стр. 6—7). 36.

⁴³ В своих работах по метаморфозу у насекомых Ковалевский использует теорию фагоцитоза, созданную незадолго до этого (с 1883 г.) его другом Мечниковым. В дальнейших работах Ковалевский широко исследует явления фагоцитоза у различных беспозвоночных, способствуя этим укреплению и разработке теории фагоцитоза. 37.

⁴⁴ Севастопольская биологическая станция была организована по постановлению 2-го съезда русских естествоиспытателей в Москве в 1869 г. Организацию станции взяло на себя Новороссийское общество естествоиспытателей в Одессе по предложению ее председателя Л. С. Ценковского. В течение 1870 г. Ценковский и А. Ф. Стуарт осуществили все необходимые мероприятия по созданию станции, которая и была открыта весной 1871 г. С 1875 г. станция перешла на правительственную субсидию, а с 1892 г. была передана Академии Наук. Ковалевский был назначен ее директором и приступил к строительству и переоборудованию ее. 40.

⁴⁵ О работе Ковалевского на берегах Мраморного моря см. у В. Ковалевской-Чистович, стр. 14—19, где приведены его письма оттуда. 40.

⁴⁶ Вот что пишет в связи с этим В. Ковалевская-Чистович: «В 1878 г. А. О. заболел каким-то нервным заболеванием, которое было вызвано волнениями в связи с студенческим политическим движением. А. О. был в то время проректором. Для поправки пошатнувшегося здоровья А. О. получил годичную командировку, и мы всей семьей провели зиму недалеко от Ниццы, в местечке St. Jean (упом. статья, стр. 10). 42.

⁴⁷ «Вестник Европы», 1915, № 5, стр. 68—85. Статья была задумана Мечниковым в 1913 г. В ответ на приглашение М. М. Ковалевского написать статью для «Вестника Европы» Мечников писал ему: «Я решил написать для Вас воспоминания о Сеченове в связи с состоянием научного движения в России в его эпоху» (письмо от 29/16 октября 1913 г. Архив Академии Наук, фонд 103, оп. 2, № 158). Статья была написана летом 1914 г., перед самой войной. О. Н. Мечников в своей книге об И. И. Мечникове вспоминает: «Во время каникул этого года ...Илья Ильич написал воспоминания о своем друге Сеченове, предназначая их для «Вестника Европы» («Жизнь Мечникова», стр. 192). Рукопись статьи

хранится в Музее памяти Мечникова (1-я страница автографа воспроизведена в этой книге).

При сличении печатного текста с рукописным обнаруживается ряд разночтений. Однако нами дается текст, опубликованный в «Вестнике Европы». Большая и важная работа установления аутентичного текста произведений Мечникова должна быть проделана над всеми сохранившимися его рукописями при издании «Полного собрания сочинений. 45.

⁴⁸ В своем противопоставлении похорон революционера Баумана и ученого Сеченова Мечников верен своим неоднократно высказываемым воззрениям о несовместимости политики и науки (см. еще прим. 102, 104). Но он глубоко неправ. Раньше всего, не следует думать, что здесь проявился «резкий контраст в проявлении чувств к усопшему». Похороны Баумана не были просто данью народа к памяти трагически погибшего революционера. Это была мощная демонстрация московского пролетариата против темных сил реакции, против всего существовавшего тогда самодержавного строя. Личные заслуги Баумана отступали на задний план, уступая место общему протесту против невыносимых условий царского режима. Но ведь тяжесть этого гнета повседневно ощущал сам Мечников и достаточно резко на него реагировал, правда, лишь в тех случаях, когда это грозило свободе университетской жизни и его личной научной независимости. Даже свой уход из университета и последовавший затем отъезд навсегда за границу Мечников всегда связывал с реакцией, разразившейся после 1 марта 1881 г. (см. его «Автобиографию», стр. 145, и «Рассказ о том, как и почему я поселился за границей», стр. 81). Мечников, конечно, оказался бессильным побороть эти силы реакции, хотя бы в пределах университета. Но откуда могла притти та сила, которая сумела бы бороться с реакцией, победить ее и создать необходимые условия для такого свободного развития науки, о котором так болел душой Мечников? Конечно, только пролетариат, руководимый революционной партией, мог это осуществить.

С другой стороны, похороны Сеченова носили столь скромный характер отчасти по воле покойного. В объявлении о смерти его, к тому же запоздавшем и появившемся лишь в день похорон, было сообщено: «Профессор Иван Михайлович Сеченов скончался 2 ноября. Вынос из квартиры покойного (Пречистенка, Полузтков пер., 8) в церковь университета в субботу 5 ноября в 9 ч. у. Погребение на Ваганьковском кладбище. Согласно воле покойного, просят ни венков, ни цветов не возлагать и речей на могиле не произносить» («Русские ведомости», № 29, 5 ноября 1905 г.).

В пожеланиях покойного отразились, повидимому, настроения, весьма близкие к взглядам Мечникова. Быть может, повлияли и впечатления от грандиозных похорон, устроенных как раз накануне смерти Сеченова ректору Московского университета проф. С. Н. Трубецкому. Вот как описывает очевидец эти похороны: «2 октября происходили, сопровождаемые грандиозной демонстрацией похороны ректора университета

С. Н. Трубецкого, умершего скоропостижно в Петербурге 29 сентября. Бесконечная процессия, прослоенная плакатами, знаменами и оркестрами, прошла за его гробом мимо университета» (Б. М. Житков. И. М. Сеченов в жизни. М. 1944, стр. 30—31).

Как видим, похороны этого ученого, отнюдь не революционера, но протестовавшего против произвола царских чиновников по отношению к университету, также вылились в общественную демонстрацию.

Нежелание Сеченова, чтобы его похоронам придавали общественно-политический характер, конечно, и определило их скромный характер. Б. М. Житков так описывает эти похороны: «Хоронили И. М. в сумрачное ноябрьское утро. На выносе в его квартире присутствовало, насколько помню, не более десяти человек. Но церковь постепенно наполнилась профессорами, младшими преподавателями, студентами и частными лицами. Чрезвычайно простой гроб по Большой Никитской несли на руках. Не было ни венков, ни орденов на подушках, а на кладбище не было речей. Воля умершего была исполнена. Я помню вблизи гроба фигуры ректора А. А. Мануйлова, В. И. Вернадского, П. А. Минакова и М. Н. Шатерникова. Небольшая кучка провожающих дошла до кладбища» (там же, стр. 31).

Можно себе представить, какие похороны устроила бы научная и революционная общественность Москвы Сеченову, неоднократно на протяжении своей жизни входившему в конфликты с официальными кругами и господствующим мировоззрением и уволенному за год до смерти со скромной должности преподавателя Пречистенских курсов для рабочих, если бы не формальный запрет покойного. Но, конечно, лишь при советской власти пролетариат получил настоящую возможность узнать ученых своей страны и выразить полностью дань уважения к ним. В наши дни немыслимо, чтобы похороны крупнейшего ученого страны прошли столь незаметно, как это было при похоронах Сеченова. 45.

⁴⁹ Сеченов учился в Военном инженерном училище до 1848 г., после этого служил в саперном батальоне (1849—1850), вышел в отставку и поступил на медицинский факультет Московского университета. За границу Сеченов поехал по окончании университета в 1856 г. и пробыл там вплоть до 1860 г. Сеченов слушал лекции у И. Мюллера, Дюбуа-Реймона и Гоппе-Зейлера в Берлине, у Функе в Лейпциге и год работал у Людвиг в Вене. 46.

⁵⁰ Первые работы Сеченова были посвящены вопросу о поглощении кровью кислорода и о влиянии на этот процесс паров алкоголя. Этот вопрос был навязан Сеченову общественным значением борьбы с алкоголизмом в России («задуманный мною план заняться острым отравлением алкоголем, естественно, вызван в моей голове ролью водки в русской жизни». «Автобиографические записки». М. 1907, стр. 76). По возвращении в Россию Сеченов защитил в 1866 г. диссертацию на эту тему («Материалы для будущей физиологии алкогольного опьянения». СПб. 1860). 46.

⁵¹ «Рефлексы головного мозга» впервые были опубликованы в 1863 г. в газете «Медицинский вестник» (см. еще прим. 16). 46.

⁵² Вопрос о том, что прототипом Кирсанова являлся Сеченов, спорен. Хотя Чернышевский был знаком с Сеченовым и есть ряд утвердительных свидетельств современников (в том числе и жены Чернышевского), но вряд ли можно настаивать на фотографически точном воспроизведении в романе облика Сеченова. Бесспорно отражение некоторых черт мировоззрения Сеченова в характеристике Кирсанова (см. подробнее об этом у Х. С. Коштоянца. Сеченов, М. 1945, стр. 46—48. 46).

⁵³ Сеченов пишет в своих «Записках»: «Из всех братьев я вышел в черную родню матери [мать Сеченова была крестьянкой и в «ее крови, по преданию, была через прабабку примесь калмыцкой крови] и от нее же получил тот облик, благодаря которому Мечников, возвратясь из путешествия по Ногайской степи, говорил мне, что в этих палестинах, что ни татарин — вылитый Иван Михайлович» («Автобиографические записки», стр. 2—3). 49.

⁵⁴ Вот как вспоминает об этом Сеченов: «Помню, как теперь, из жизни в Сорренто апельсиновый сад вокруг домика (villa Grehan), в котором мы жили, и его террасу, на которой в один прекрасный день появились два очень молодых человека знакомиться с нами. Это были — будущая гордость России Илья Ильич Мечников и Александр Онуфриевич Ковалевский. Помню, что я тогда только-что окончил писать иннервацию дыхательных движений [повидимому, главу из книги «Физиология нервной системы». СПб. 1866.— А. Г.] и почему-то прочел им этот отрывок. С обоими я потом часто встречался в жизни и буду еще иметь случай говорить о них, а теперь наше знакомство продолжалось лишь несколько дней» («Автобиографические записки», стр. 137). 49.

⁵⁵ Об этих «вечерах» Сеченов пишет: «По возвращению в 1863 г. в Петербург я начал вести оседлую жизнь (стал, должно быть, богаче): нашел чистенькую квартиру из трех комнат, обзавелся нехитрым хозяйством, обедал дома и стал даже изредка зазывать приятелей на вечера, которые в шутку назывались «балами», так как, кроме освещения комнат а gas и чая со сладостями от неизбежного в то время для всех обитателей Литейной части Бабикова, ничего не полагалось... И жизнь потекла на долгие годы так, как она идет у всех рабочих вообще — неделя за делом, а там отдых в кружке приятелей. Приятели наши того времени были все люди хорошие, работники, как мы, не нуждающиеся ни в каких особенных прикрасах к после-недельному отдыху, кроме простой дружеской беседы» («Автобиографические записки», стр. 126—127). 50.

⁵⁶ Сеченов пишет: «Я получил весной 1867 г. годовой отпуск за границу. Начало лета провел в Карлсбаде, поправился благодаря ежедневным длинным прогулкам на воздухе и отправился в Грац к профессору работавшему там старому другу Роллету... Работа, сделанная и напечатанная в Граце [«Об электрических и химических раздражениях чувствительных спинномозговых нервов лягушки», издана по-немецки в

Граце в 1868 г.—А. Г.], оказалась крайне благодарной» («Автобиографические записки», стр. 137—139). Повидимому, Мечников был у Сеченова в Граце в марте 1868 г., проездом в Неаполь (см. прим. 92). Сеченов писал М. А. Боковой из Граца 17 марта 1868 г.: «Мечников уехал отсюда вчера утром. Он собирается с сентября заниматься у меня в лаборатории и вообще начинает мечтать об том, как бы сделаться физиологом. Я, конечно, всячески поддерживаю в нем эту мысль, потому что он господин очень талантливый» (цит. по тексту, опубликованному Х. С. Коштоянцем, Очерки по истории физиологии в России, М. 1946). Этим мечтам Мечникова удалось осуществиться лишь частично и значительно позже, в одесский период совместной работы его с Сеченовым в Новороссийском университете. Свидетельством этому служат две опубликованные ими совместно в 1873 г. работы о действии *p. vagus* на сердце (*Centralblatt für die medicinische Wissenschaft*, 1873, № 11 и 19). 50.

⁵⁷ По этому поводу О. Н. Мечникова пишет: «Для Ильи Ильича опять началась тяжелая трудовая жизнь. Будучи доцентом Петербургского университета, он отказался от Горного института и стал хлопотать о прибавке жалованья; ему дали 800 рублей, что составляло в общем жалованье экстраординарного профессора. Но положение его было крайне неловким из-за того, что партия, к которой он не принадлежал (Казанская, с Бутлеровым и Овсянниковым во главе), желала привлечь своего кандидата, зоолога Вагнера, на место, предназначавшееся Илье Ильичу» («Жизнь Мечникова», стр. 56). 51.

⁵⁸ Повидимому, Сеченов, не желая вспоминать неприятный для Мечникова и непонятный для читателей XX в., когда Мечников был в зените славы, эпизод с предпочтением Петербургским университетом Вагнера Мечникову, обходит его туманной фразой: «И. И. Мечников, имевший уже в то время большое имя в зоологии, не мог пристроиться к Петербургскому университету за неимением там профессорского места и уехал профессором в Одессу, но продолжал тяготеть к Петербургу и, списавшись со мной, охотно соглашался поступить на место Брандта» («Автобиографические записки», стр. 142). Действительно, Сеченов перемешал всю последовательность событий. Как уже ясно из воспоминаний Мечникова, причина ухода из Петербургского университета была иная: Мечников крайне нуждался (ввиду болезни жены, лежавшей за границей) и именно поэтому настаивал на профессорском окладе. О том, что ему не приходится на это рассчитывать в Петербургском университете, Мечников узнал (из письма Сеченова), будучи за границей. В Одессу же он поехал позже, уже после его забаллотирования в Академию (см. ниже).

Дело в том, что, как уже правильно указал С. Я. Штрайх (см. «Борьба за науку в царской России». М. 1931, стр. 52), Мечников ошибается, относя свою забаллотировку в Академию к 1870 г. Но и Сеченов ошибается в том же смысле.

Это было в 1869 г. 8 мая Сеченов писал Мечникову: «На кафедру

зоологии в нашей Академии Вы могли быть представлены мной лишь в субботу на прошлой неделе, т. е. 3 мая, потому что в предшествующую этой конференции было лишь объявлено о вакантности кафедры... Предложил я Вас в ординарные или по крайней мере в исправляющие должность ординарного (жалование в обоих случаях 3 тыс.), напирая на полезность привлечь Вас исключительно на сторону Академии... Что касается окончательного решения Вашего дела, то оно последует, вероятно, в начале будущего семестра, т. е. в конце сентября» («Борьба за науку», стр. 51).

Однако еще 15 (27) октября 1869 г. Мечников писал Ковалевскому в Монтрэ (Швейцария):

«Мое дело в Академии еще настолько не приведено в ясность, что меня до сих пор не баллотировали. Обещают, впрочем, что это недолго затянется».

Приблизительно в это время Новороссийский университет обратился с предложением места ординарного профессора (после отставки проф. Маркузена): «Ректор (Ф. И. Леонтович) рекомендовал факультету на кафедру зоологии И. И. Мечникова, который согласился занять ее ординарным профессором. Факультет его избрал, но в это время получено было известие, что его приглашает Петербургская медицинская хирургическая академия. Ректор телеграфировал находившемуся тогда в Веве И. И. Мечникову и довольно долго ждал ответа» (Маркевич. Двадцатипятилетие Новороссийского университета..., стр. 447). Это было, по-видимому, в конце ноября — начале декабря 1869 г. Мечников не давал ответа на телеграмму, ожидая решения Академии. За отсутствием ответа от Мечникова факультет обратился в конце декабря с аналогичным запросом к Ковалевскому (см. его письмо к Мечникову от 28/XII 1869 г.). 15 ноября состоялась злополучная баллотировка в Академии и 10 (22) декабря 1869 г. Мечников писал А. Ковалевскому из Вилла-Франки:

«Я, впрочем, еще наверное не знаю, когда именно и куда я поеду. Так как меня не выбрали профессором Медицинской академии, то я изъявил согласие на переход в Одессу (откуда вышел в отставку Маркузен); и теперь спрашивается, когда меня там утвердят, выберут и вообще когда все это разрешится».

По получении от Мечникова долгожданной телеграммы, «4 января 1870 г., когда стало официально известно о согласии занять кафедру, Совет избрал его ординарным профессором зоологии, впрочем разрешив ему командировку до лета 1870 г. Таким образом, лекции профессора Мечникова начались в 1870/71 г.» (Маркевич, стр. 447). Приведенная последовательность событий и объясняет, почему Мечников характеризует изложение Сеченова «не соответствующим действительности», 51.

⁵⁹ Вот как описывал Сеченов Мечникову это злополучное заседание: «Пишу Вам, мой милый, добрый, хороший Илья Ильич, с страшно тяжелым чувством: с одной стороны, я все-таки чувствую себя перед Вами

виноватым, что втянул Вас в дело, которое кончилось неудачей, а с другой — все еще не могу притти в себя от чувства негодования и омерзения, которое вызвала во мне вчерашняя процедура Вашего неизбрания. Дело происходило следующим образом. Я предложил Вас, как Вам известно, в ординарные; комиссия, разбиравшая Ваши труды, тоже предложила Вас в ординарные, а когда отчет ее был прочитан, я снова заявил конференции, что Вы желаете баллотироваться только в ординарные. Вслед за этим и по закону и по разуму следовало бы пустить на шары вопрос о Вашем избрании, а между тем президент академии, а вслед за ним Юнге и Забелин, предводители партии молодой академии, потребовали вдруг предварительного решения следующего вопроса: нуждается ли вообще наша академия в преподавателе зоологии в качестве ординарного профессора? Это подлое и незаконное заявление в связи со слухами, начавшими доходить до меня в последнее время (об этих слухах я Вам скажу после), сразу выяснило для меня положение Вашего дела: достойная партия молодой академии не желала Вас принять в свою среду, но вместе с тем не хотела положить на себя срама забаллотировать Вас.

Под влиянием этой мысли я стал протестовать против незаконности и неуместности (так как мое предложение Вас в ординарные не встретило ни малейшего возражения) предложения президента, сколько во мне было сил, и при этом руководствовался следующим соображением: уж если гг. профессора решили не пускать Вас в академию, то пусть они по крайней мере публично позорят себя, провалив Вас на баллотировке. Так как предложение президента было в самом деле незаконно, то и пушено было на шары Ваше избрание.

Все положили шары в ящик, доходит очередь до Юнге; он начинает кобениться, говоря, что при этой баллотировке смешаны разом два вопроса. Ему возражают, что все, кроме его, решили баллотировку, стало быть ему одному кобениться нечего; тогда он встает и произносит следующий торжественный спич: «По научным заслугам г. Мечникова я признаю его не только достойным звания ординарного профессора, но даже звания академика, но по моему убеждению нашей академии не нужно зоолога — ординарного профессора, а потому я кладу ему черный шар».

И вообразите себя злую насмешку судьбы — его-то именно шар и провалил Вас, потому что он был 13-м черным против 12 белых.

Верьте мне или не верьте, но вслед за этой подлой комедией меня взяло одну минуту такое омерзение и горе, что я заплакал. Хорошо еще, что успел во-время закрыть лицо, чтобы не доставить удовольствия окружающим меня лакеям...

Простите же меня еще раз, что я позволил себе ошибиться, как ребенок, насчет моральных свойств большинства моих почтенных товарищей, но вместе с тем посмотрите, в какую помойную яму попали бы Вы, будучи избраны. Говорить перед этим собранием об том, чтобы Вы читали по крайней мере по найму, я не имел положительно слов и, при-

знаюсь Вам откровенно, не возьмусь и впредь, потому что отныне нога моя не будет в конференции.

После заседания на вечере у Боткина Якубович старался доказать мне, что я проиграл оттого, что вел дело не практически и не занесивал в Вашу пользу у таких господ, как Herr Цабелин [господин Забелин.— А. Г.] и К°. Может быть, он и прав, но Вы, конечно, не обвините меня в том, что я не насиловал ни своей совести, ни своих убеждений ради доставления победы Вашему делу; да признаюсь, до самого последнего времени, мне и в голову не приходило, чтобы Вас могли провалить.

Только за неделю до Вашего избрания Зинин сказал мне, что старики (и это он соврал) не хотят Вас в ординарные, что было бы, впрочем, не опасно, так как их меньшинство, и вместе с этим сделалось известно, что Сорокин представляется за ученые заслуги в ординарные. Мне тотчас же пришло в голову, что последнее обстоятельство представляет уловку заместить одну из вакантных кафедр и уменьшить тем шансы Вашего избрания». (Письмо от 16 ноября 1869 г. «Борьба за науку в царской России», стр. 53—55). 52.

⁶⁰ В своих «Автобиографических записках» Сеченов утверждает, что он «в тот же или на другой день подал в отставку из академии» (стр. 144). Но он ошибается. Вот, что он писал Мечникову 3 декабря 1869 г.: «В академии я не останусь — это положительно, потому что быть хотя и невольным участником в процессе погружения ее в болото не имею ни малейшей охоты».

«Дело мое с академией вероятно кончится в августе будущего года, но возможно, что затянется еще на полгода... А как я буду рад выйти наконец из сотоварищества с такими лицами, как Herr Z. [господин Забелин.— А. Г.] и К°. И теперь мне до такой степени тошно встречаться с ними, что я не хожу более на конференцию, тем более что часто приходилось бы подписывать свое имя под очень некрасивыми решениями.

Нужно ли говорить, что Ваше письмо было для меня действительной отрадой при моем теперешнем душевном мраке? Поверьте честному слову, что оно освежило и ободрило меня; особенно радовался я Вашему решению не идти теперь ни на какие соглашения с нашей достохвальной академией. Признаюсь откровенно, этот вопрос страшно лежал у меня на душе: с одной стороны, думаю, вопрос этот важен для человека, потому что без денег он сядет на мель, а с другой — идти к тем же самым господам с новым предложением было просто омерзительно» («Борьба за науку в царской России», стр. 56—57).

12 июля 1870 г. Сеченов писал: «В отставку же из поганой Медико-хирургической академии я подаю 10 сентября тотчас по окончании экзамена из физиологии, который был отложен до начала сентября по просьбе студентов» («Борьба за науку»... стр. 63). И действительно в письме от 15 сентября Сеченов извещает Мечникова о том, что он подал в отставку. Но, повидимому, его долго уговаривали взять заявление обрат-

но, так как 25 сентября он пишет Мечникову: «С уговорами уговорились, так как все убедились, что удержать меня в Медицинской академии невозможно». («Борьба за науку», стр. 66). По официальным данным, Сеченов уволен из академии с 20 декабря 1870 г. (см. примечание С. Штрайха, «Борьба за науку», стр. 63). 52.

⁶¹ Об этом есть указания в письмах Сеченова к Мечникову: «Недели через две я перестану читать лекции в академии и переселяюсь в лабораторию Менделеева, чтобы учиться химии. Если дело пойдет на лад, то я останусь, может быть, у него с год. А затем... затем у меня в руках одним оружием будет больше для борьбы за существование в профессорском звании» (письмо от 24 ноября 1870 г. «Борьба за науку», стр. 71). «Я начинаю заниматься с будущей недели химией. Менделеев дал мне комнату, тему для работы из чистой органической химии (которую я и намерен протудировать, так как никогда не занимался ею), и я чувствую теперь себя до-нельзя счастливым... Кто знает..., моя медицинская карьера должна быть кончена. Возможно, например, что я сделаюсь химиком. Но, конечно, это мечты» (там же, стр. 73). Вспоминая об этом в своих записках, Сеченов писал: «В эти месяцы я отправился в лабораторию Дм. Ив. Менделеева; он дал мне тему, рассказав, как готовить вещество, азотистометидовый эфир, что делать с ним, дал мне комнату, посуду, материалы, и я с великим удовольствием принялся за работу, тем более что не имел до того в руках веществ, кипящих при низких температурах, а это кипело при 12° С. Результаты этой ученической работы описал сам Дм. Ив. Быть учеником такого учителя, как Менделеев, было, конечно, и приятно и полезно, но я уже слишком много вкусил от физиологии, чтобы изменить ей, и химиком не сделаюсь» («Автобиографические записки», стр. 144). 53.

⁶² Судя по письмам Сеченова, он первый деликатно намекнул Мечникову, что единственная вакансия для него — в Новороссийском университете («В одной только Одессе нет физиолога, стало быть... я вполне сознаю, что шансов на это очень мало, так как министр народного просвещения меня недолюбливает, но ведь я и не придаю этой мысли ничего иного, как значение проекта, мечты». Письмо от 3 декабря 1869 г. «Борьба за науку», стр. 56). Мечников сейчас же откликнулся и прямо предложил Сеченову добиваться его зачисления в Новороссийский университет. Но Сеченов долго не решался дать согласие на это. «Нечего и говорить, что я Вам до-нельзя благодарен за Ваши помышления о своей будущей судьбе. Будь я в несколько ином положении, например помоложе, здоровее, я, конечно, ухватился бы обеими руками за Ваше предложение начать дело в Одессе, но...

Шутки в сторону, нынешний год я чувствую себя таким разбитым, что мне нет возможности и помыслить о том, чтобы приняться за постройку нового гнезда у Вас на юге. На весь будущий академический

год я уже припас себе средства на жизнь и целый год намерен отдыхать, т. е. делать, что вздумается».

«Хоть в нынешнем году я и положительно отказываюсь от мысли ехать в Одессу, но возможность для меня попасть туда через это еще не окончательно исчезает: до сих пор говорят о предстоящем открытии у вас медицинского факультета, стало быть, со временем будут нужны два физиолога. На этом основании я и заключаю письмо словами: до свидания» (письмо от 30 марта 1870 г., «Борьба за науку», стр. 58).

Судя по его письмам этого времени, Сеченов был морально подавлен и оскорблен. К тому же у него возникла надежда уйти целиком на научную работу в Академию Наук. Он писал Мечникову 19 апреля: «Со времени моего последнего письма к Вам, мой милый, добрый, хороший Илья Ильич, я, конечно, продолжал думать усиленным образом о Ваших предложениях, а так как в течение этого же времени некоторые из основных условий моего существования несколько изменились, то я снова возвращаюсь к покинутому вопросу.

Место в Одессе я взял бы тотчас по выходе в отставку, если бы мне дали, разумеется, без всякого жалования год отдыха и если бы в течение этого времени меня не выбрали в Академию Наук».

Дело в том, что как раз в это время Сеченов был избран (29 декабря 1869 г.) членом-корреспондентом Академии Наук. К нему особенно дружественно относился академик Овсянников, по отзыву которого Сеченову была присуждена в 1863 г. Демидовская премия; к тому же, быть может, Овсянников считал себя морально обязанным содействовать избранию Сеченова в академики, так как в 1863 г. он оказался конкурентом последнего, а в 1868 г. Сеченову нехватило одного голоса для избрания в академики. Повидимому, Сеченов все же рассчитывал на какие-то обнадеживающие обещания, возможно того же Овсянникова, а также академика Зинина (см. «Борьба за науку», стр. 66, 68). Так, он писал Мечникову 12 июля 1870 г.: «Намерения мои относительно Одессы нисколько не изменились; я думаю даже похерить год отдыха, о котором писал прежде. Чур только не забывать моего первоначального условия: если меня выберут в Академию Наук, я остаюсь в Петербурге». Как известно, Сеченов так и не попал в Академию при следующих выборах (в 1873 г.); пройдя на выборах в отделении, он был забаллотирован двумя голосами (быть может, президента) (см. подробно обо всем этом: Г. Князев и М. Князева. Научные связи Сеченова с Академией Наук. Арх. ист. науки и техники, 1935, в. 7, стр. 399—427). Наконец, в августе 1870 г. Сеченов решает дать согласие Мечникову, и последний начинает действовать официально.

«В августе 1870 г. проф. Мечников предложил отделить преподавание физиологии от анатомии и на кафедру физиологии представил знаменитого ученого, в то время проф. Медико-хирургической академии, доктора медицины Сеченова. Совет принял предложение и 19 августа

избрал И. М. Сеченова ординарным профессором, а так как на физико-математическом факультете все ординатуры были заняты, то постановил ходатайствовать об учреждении еще одной ординатуры» (Маркевич, стр. 472). 53.

⁶³ Сеченов избран доктором зоологии по представлении Мечникова и доц. Н. О. Бернштейна Советом университета 9 сентября 1870 г. единогласно. См. представление Мечникова и Бернштейна в протоколах Новороссийского университета. Зап. Новоросс. унив., 1871, т. 6, стр. 246—250.

⁶⁴ Сеченов в своих записках рассказывает колоритные детали хлопот за него Боткина и других лиц. Но они оставались безуспешными. Тормозил дело Делянов (товарищ министра просвещения), воспользовавшись финансовыми формальностями. Тогда Сеченов сообщил университету, что он «готов поступить в университет не только на жалование экстраординарного профессора, но даже на жалование доцента, притом в каком угодно звании», так как «единственным мотивом, продиктовавшим ему высказанное решение, было желание сохранить дорожку для него возможность служить делу развития русской молодежи» (Маркевич, стр. 472—473). Но и это не помогло. На самом деле, как теперь стало известно, Делянов даже запугивал Голубцова, попечителя Одесского учебного округа, той ответственностью, которую он берет на себя: «г. Сеченов имеет репутацию отъявленного материалиста, который старается проводить материализм не только в науку, но и в самую жизнь... Покорнейше прошу Вас сообщить мне: можете ли Вы иметь уверенность, что преподавание г. Сеченова в Новороссийском университете и близкие его отношения к юношеству не будут иметь вредные последствия на его нравственное развитие и не повлияют вредным образом на спокойствие в университете» (см. у Князева и Князевой, стр. 408).

Спасла дело случайная рекомендация. Вот как описывает это Сеченов: «Когда я вышел из Медицинской академии, вскоре за этим Одесский университет выбрал меня профессором физиологии на физико-математический факультет, но Ив. Дав. Делянов, замещавший тогда находившегося в отпуску графа Толстого, не решился или не хотел дать делу ход в течение почти полугода, с осени 1870 по весну 1871 г. Весной 71-го года в Константинополе имела собраться международная комиссия по противохолерному вопросу, и Пеликан отправился туда делегатом русского правительства. Проездом через Одессу он встретился с тамошним попечителем округа Голубцовым, и между ними произошел разговор на мой счет. При этом нужно заметить, что Голубцов был медик, а Пеликан как крупное лицо в медицинском мире имел в его глазах большое значение. Зная по слухам, что он лично знаком со мною, Голубцов заинтересовался узнать, действительно ли я очень опасный и вредный человек для молодежи, и прибавил, что это обстоятельство мешает моему назначению в университет. Пеликан на это даже рассмеялся и настолько

уверил Голубцова в моей безвредности, что тот взял мое назначение на свой страх, и я был утвержден.

Всю эту историю я слышал от самого Пеликана» («Автобиографические записки», стр. 131) 54.

⁶⁵ Мечников имеет в виду следующие статьи Сеченова: «Замечания на книгу г. Кавелина «Задачи психологии» («Вестник Европы», 1872, № 11); «Кому и как разрабатывать психологию» («В. Е.», 1873, № 4). Знаменитые «Элементы мысли» появились уже в 1878 г., после перехода Сеченова в Петербург. 57.

⁶⁶ Об этом пишет и Сеченов в своих «Записках»: «В Медицинской академии все мои ученики работали обыкновенно в одной комнате со мной, и за работой все, кто из нас умел петь, часто певали хором, благо лаборатория наша стояла особняком и нашим пением не нарушалось благочиние учебного заведения. Между нами, певцами, Спиро всегда признавался наиболее искусным; но его певческие таланты обнаружились лишь в Одессе, когда он получил казенную квартиру — комнату чуть не в танцевальную залу величиной, с превосходным резонансом — и обзавелся инструментом. Не пройдя никакой школы, он пел, однако, так, что умел вызывать слезы (я был свидетелем этого); пел с итальянским пошлом и превосходно передразнивал Тамберлика. Не попал он, бедный, на свою настоящую дорогу, а теперь сворачивать на нее было уже поздно — слишком долго он пренебрегал данным ему от Бога талантом» («Автобиографические записки», стр. 147). 57.

⁶⁷ Быть может, здесь Мечников смешивает сеченовские «балы» первого петербургского периода (см. прим. 55) с одесскими воспоминаниями. Сеченов в своих «Записках» ничего не сообщает об этом, а подробно повествует о «салоне» у проф. Умова, где «душой» кружка был Мечников. Вот как он описывает жизнь «кружка»: «Для дружеского кружка трудящихся семейный дом столько же необходим, как теплый уютный угол для усталого. Только в семейном доме, с приветливой улыбкой и ласковым словом хозяйки, собрание приятелей отдыхает душевно и принимает тот характер порядочности и сердечности, который немцы выражают словом *Gemütlichkeit* [приятность]. Таким соединительным звеном-салоном кружка стала квартира Умовых. Хозяин, кроме утонченной любезности, оказался завзятым хлебосолом; хозяйка представляла элемент сердечности; я имел значение еще не совсем состарившегося дядюшки, а душою кружка был И. И. Мечников. Из всех молодых людей, которых я знал, более увлекательного, чем молодой И. И., по подвижности ума, неистощимому остроумию и разностороннему образованию, я не встречал в жизни.

Насколько он был серьезен и продуктивен в науке — уже тогда он произвел в зоологии очень много и имел в ней большое имя, — настолько жив, занимателен и разнообразен в дружеском обществе. Одной из утех для кружка была его способность ловко подмечать комическую сторону

в текущих событиях и смешные черты в характере лиц с удивительным умением подражать их голосу, движениям и манере говорить. Кто из нас, одесситов того времени, может забыть, например, нарисованный им образ хромого астронома, как он в халате и ночном колпаке глядит через открытое окно своей спальни на звездное небо, делая таким образом астрономические наблюдения; или ботаника с павлиньим голосом, выкрикивающего с одушевлением и гордостью длинный ряд иностранных названий растительных пигментов; или, наконец, пиццание одного маленького забитого субинспектора, который при всяком новом знакомстве рекомендовал себя племянником генерал-фельдцейхмейстера австрийской службы. Все это Мечников делал без малейшей злобы, не будучи ни сколько насмешником. Да и сердце у него стояло в отношении близких на уровне его талантов: без всяких побочных средств, с одним профессорским жалованьем он отвез свою первую больную жену на Мадеру, думая спасти ее, а сам в это время отказывал себе во многом и ни разу не проронил об этом ни слова. Был большой любитель музыки и умел напевать множество классических вещей; любил театр, но не любил ходить на трагедии, потому что неудержимо плакал...

Жили мы тихо, утро за делом в лаборатории, а вечером большей частью в нашем салоне, за дружеской беседой и нередко за картами. Грешный человек, карточную игру, но безнадежную, ввел я, и как любитель оной яростно нападал на нашу милую хозяйку, когда она делала ошибки.* Помимо этих вспышек, вел я себя смирно: не совратил с пути за два года ни единого студента, не вызвал ни одного бунта, не строил баррикад и привел всем этим взявшего меня на поруки попечителя в такой восторг, что в Святую 1873 г. он сделал меня действительным статским советником и даже самолично приехал ко мне на квартиру поздравить с этой радостью. Из дальнейшего будет видно, что он продолжал свидетельствовать перед высшим начальством о моей благонадежности и в последующие годы» («Автобиографические записки», стр. 148—149, 151). 58.

⁶⁸. В связи со своей деятельностью в суде Мечников избран был почетным мировым судьей. Значительно позже, уже когда Мечников много лет как жил за границей, он был забаллотирован при выборах в 1908 г. Этому событию газеты того времени придавали известный политический смысл. Ввиду этого Мечников, верный своей тенденции устраниваться от «политики», в специальном «письме в редакцию» русских газет подчеркнул свое мнение об этом (см. настоящий сборник, стр. 163). 59.

⁶⁹. «Московская» и «малороссийская» партии оформились в результате постоянной борьбы при утверждении новых преподавателей и выборах должностных лиц в Новороссийском университете. Как поясняет сам

* У Мечникова была наследственная страсть к картам, но он боялся играть даже без денег: садился подле нас, когда мы играли, и даже в качестве зрителя волновался, краснел, следя за перипетиями нашей борьбы.

Мечников, «малороссийская» партия состояла в основном из местных уроженцев и питомцев Новороссийского университета (профессора П. П. Цитович, К. И. Карастелев, Е. Ф. Сабинин, И. И. Патлаевский и позже Ф. Н. Шведов и другие). «Московская» партия в основном состояла из приезжих, большей частью московских и петербургских профессоров (А. С. Посников, В. В. Преображенский, Ю. С. Гамбаров и другие). Мечников, Сеченов, Умов и Ковалевский бесспорно в большинстве случаев поддерживали «московскую» партию и совместно с ней голосовали. Недаром, когда одна из «партий» хотела провести своего кандидата или какое-либо мероприятие, она часто использовала время отсутствия многих из сторонников другой «партии». Так было, например, и в вопросе об отставке Мечникова (см. прим. 119). В случае своего заболевания членам «партий» поручали голосовать за себя в определенном направлении своих товарищей (см., например, рассказ Мечникова о выборах ректора в 1881 г. (стр. 68 настоящего сборника). Так что Мечников несколько преувеличивает свою «беспартийность». И Сеченов в своих письмах к Мечникову пишет о «богопротивном Карастелеве и его «приятелях».

Вообще же всех передовых профессоров университета, естественно, объединяли прогрессивные взгляды и борьба за университетскую автономию, так что для их единомыслия против консервативной группы не требовалось наличия какой-то оформленной «партии». 59.

⁷⁰ Мечников имеет в виду Ольгу Александровну, описанную Сеченовым в «Автобиографических записках» (стр. 38—41). Отсылая читателя к страницам «Записок», приведем лишь ту оценку ее влияния, которую дает сам Сеченов: «Выше я назвал Ольгу Александровну моей благодетельницей, и не даром. В дом ее я вошел юношей, пловшим до того инертно по руслу, в которое меня бросила судьба, без ясного сознания, куда оно может привести меня, а из ее дома я вышел с готовым жизненным планом, зная, куда идти и что делать. Кто, как не она, вывел меня из положения, которое могло сделаться для меня мертвой петлей, указав возможность выхода. Чему, как не ее внушениям, я обязан тем, что пошел в университет, и именно тот, который она считала передовым, чтобы учиться медицине и помогать ближнему. Возможно, наконец, что некоторая доля ее влияния сказалась в моем позднем служении интересам женщин, пробившихся на самостоятельную дорогу» («Автобиографические записки», стр. 41). 60.

⁷¹ Не совсем ясно, что имеет в виду Мечников под «разрывом» с «прошлым». Возможно, это относится к решению Сеченова «выделиться» от своих братьев, получивших как раз к моменту окончания И. М. Сеченовым университета отцовское наследство.

«По духовному завещанию отца все имение передавалось матери в полное ее распоряжение до кончины, и воля отца была уважена. По кончине матери братья выделили сестрам все костромское имение, а симбирское решили не делить, прибавив к условию пункт, что желающий тем не менее выделиться получает 6 000 рублей и отказы-

вается от дальнейших прав на отцовское наследство. Имея в виду отправиться учиться за границу, я пожелал быть выделенным на сказанном условии и получил, кроме того, вольную для моего верного товарища и слуги Феофана Васильевича» («Автобиографические записки», стр. 71). 60.

⁷² Вопрос о роли половой функции в творчестве одаренных людей всегда приковывал внимание Мечникова. Как раз во время написания им «Воспоминаний о Сеченове» (лето 1914 г.) Мечников уже задумывался над специальным сочинением на эту тему. Это было последнее произведение Мечникова, так и оставшееся неоконченным. Им написано было лишь введение (см. «Этюды о половом вопросе», «Русские ведомости», 1917, № 1). Однако в воспоминаниях О. Н. Мечниковой имеются некоторые детали о планах Мечникова в связи с работой над этой книгой: «Ввиду задуманной работы о половой функции его интересовало влияние любви на творчество знаменитых людей, и мы читали биографии Бетховена, Моцарта и Вагнера».

В этой работе он развивал положение, что идеи относительно половой функции были извращены боязнью заразительности венерическими болезнями в такую эпоху, когда не умели ни избегать, ни лечить их. Он доказывал, что именно на этом страхе было основано осуждение естественной половой функции различными религиями. Он рассматривал дурные последствия этого и излагал свои доводы относительно необходимости вернуться к более здоровым понятиям, соответствующим природе и позволяющим изучать зло и этим избегать множества бед; он считал совершенно необходимым в этом отношении новое направление в воспитании юношества.

Затем он рассматривал роль половой функции в жизни гениальных людей и с этой целью читал их биографии и много литературных произведений. Уже в разгаре болезни он читал биографии Виктора Гюго, Наполеона I, Ж. Ж. Руссо. Он перечитал «Исповедь» последнего и пробегал даже «Новую Элоизу» (О. Н. Мечникова. Жизнь И. И. Мечникова. М. 1926, стр. 201, 208). 60.

Очевидно, что и последующие страницы «Воспоминаний о Сеченове» отражают его мысли в этом направлении.

⁷³ См. еще об этом в «Воспоминаниях о Кохе» (в настоящем сборнике, стр. 118, и прим. 161). 62.

⁷⁴ Мечников имеет в виду эпизод с синьорой Марией. См. «Автобиографические записки» Сеченова, стр. 87—89. Повидимому, ее звали в действительности Джулия (см. Коштоянц. Сеченов, стр. 42). 62.

⁷⁵ В одесский период у Сеченова не было никаких инцидентов с «начальством»; он «вел себя смирно» (см. в прим. 67 характеристику Сеченовым отношения к нему попечителя Голубцова). Под влиянием отзывов Голубцова и министр Толстой, повидимому, стал «благоклоннее» к Сеченову, что проявлялось и при личных встречах (см. «Автобиографические записки», стр. 154). Толстой сам предложил Сеченову

перейти в Петербург в связи с вакансией в университете. «Незадолго до того с естественного факультета Петербургского университета ушел г. Цион, бывший там экстраординарным, и университет, желая получить меня на его место без разжалования в экстраординарные, справлялся в министерстве, возможно ли это. Министр, будучи в Одессе, очевидно, знал об этом. Перед его приездом Одесская дума, хлопотавшая получить политехнический институт, давала в честь министра обед, на который приглашены были и все профессора университета. Прощаясь с нами после этого обеда, министр спросил меня, желаю ли я быть переведенным в Петербург, и, получив в ответ согласие и благодарность, перевел меня весной следующего года. По поводу моего двойного переселения — из Медицинской академии в Одессу, а из Одессы в Петербургский университет — кто-то не без остроумия заметил: «Сеченов употребил пять лет на переход с Выборгской стороны на Васильевский остров». 63.

⁷⁶ Сеченов писал Мечникову 14 апреля 1891 г.: «Нужно ли говорить, что я вспоминаю о вас обоих с величайшей нежностью и никогда не забуду, какие вы были милые и добрые ко мне, несмотря на то, что из-за меня в последнее время вам было, вероятно, немало досад» («Борьба за науку», стр. 111). В 1892 г. Сеченов собирался снова в Париж: «очень возможно, что будущим летом я увижу вас на короткое время в Париже» («Борьба за науку», стр. 114). Но поездка не состоялась. 63.

⁷⁷ В августе 1897 г. в Москве состоялся XII международный медицинский конгресс, на котором присутствовали виднейшие представители европейской науки, в том числе Вирхов. Мечников сделал на нем доклады о воздействии организма на токсины и о современном положении проблемы чумы. 64.

⁷⁸ «Русское слово», 13 ноября 1910 г., под заглавием: «И. И. Мечников о Н. И. Пирогове». 65.

⁷⁹ Вот что пишет об этом О. Н. Мечникова: «Эта мысль очень улыбалась Илье Ильичу; он решил привести ее в исполнение, несмотря на затруднение, заключавшееся в недостатке денег для продления пребывания за границей. Он не хотел просить новой субсидии у родителей, зная, что и деньги, данные ему на поездку, были собраны с трудом. Поэтому он выполнил следующий план, изложенный в письме к матери, постоянной поверенной всех его намерений и мечтаний. Вот что писал он ей...» (см. письмо на стр. 154 настоящего сборника. — А. Г.).

«Он не говорил матери, что живет впроголодь. Он не хотел также, чтобы об этом знали Кон и другие знакомые, и тщательно скрывал от них свой образ жизни» («Жизнь Мечникова», стр. 335—36). 65.

⁸⁰ О. Н. Мечникова так излагает пребывание Мечникова на съезде и все дальнейшие события: «К открытию съезда он поехал в Гиссен и с успехом сделал два сообщения о своих исследованиях на Гельголанде. Он и Энгельман, впоследствии сделавшийся знаменитым фи-

зиологом, были такими юными членами конгресса, что обращали на себя всеобщее внимание. При первом знакомстве Лейкарт крайне понравился Илье Ильичу, и он решил немедленно заниматься у него. Ввиду этого он стал хлопотать о получении стипендии от русского министерства народного просвещения и о заграничной командировке. По просьбе родных за него ходатайствовал бывший министр народного просвещения Евграф Ковалевский. Лейкарт написал рекомендательное письмо Пирогову, и стипендия была выдана на два года, по 1600 руб. в год» («Жизнь Мечникова», стр. 36—37; см. еще прим. 4 и 5). 66.

⁸¹ «Русское слово», 4 февраля 1915 г. 67.

⁸² Умов был избран доцентом Новороссийского университета 22 ноября 1871 г. (Маркевич, стр. 377). Сеченов пишет в своих «Записках»: «Приехал из Москвы на кафедру математической физики совсем еще молодой человек, Н. А. Умов, произведший большое впечатление своей вступительной лекцией» (стр. 148). 67.

⁸³ Об этом «кружке» Сеченов вспоминает в своих «Записках» (стр. 148—151). В качестве своего «салона» кружок избрал квартиру Умова (см. прим. 67). Основными членами «кружка», помимо Сеченсва, Мечникова и Умова, были Дювернуа, Кондаков и А. О. Ковалевский. Вот как характеризует Сеченов этот «кружок»: «Кружок наш составлял партию в университете лишь в следующем отношении: мы не искали ни деканства, ни ректорства, не старались пристроить к университету своих родственников и не ходили ни с жалобами, ни с просьбами о покровительстве к попечителю, чем занимались довольно многие в университете» («Автобиографические записки», стр. 151). 68.

⁸⁴ Это была попытка самоубийства, вызванная общими нервными переживаниями. Вот что сообщает об этом О. Н. Мечникова: «Университетские волнения и неприятности дурно отзывались на здоровье Ильи Ильича. Уже в 1877 г. вследствие крупной университетской истории * у него в первый раз разболелось сердце—начало продолжительного болезненного периода. В 1878 г. он советовался в Вене с знаменитым клиницистом Бамбергером; тот, однако, не нашел у него ничего серьезного и ограничился запрещением курить и пить вино, чего Ильи Ильич и без того никогда не делал. Состояние его здоровья еще ухудшилось в следующем году, вследствие тревоги и утомления, связанных с моим заболеванием тяжелой формой тифа в Неаполе. Он ухаживал за мной, не покидая изголовья, со свойственными ему заботливостью и беспокойством и сильно переутомился. Болезненные сердечные симптомы сменились упорными головкружениями и бессонницей, что привело его к крайне нервному состоянию. На основании легкого затруднения речи он предположил, что у него начало бульбарного паралича; это окончательно подкосило его, и в 1881 г. под влиянием нервного возбуждения он ре-

* По поводу диссертации Посникова, против которой восстал профессор финансового права Цитович.

шил покончить с собой. Чтобы скрыть от близких, что смерть его произвольна, он привил себе возвратный тиф, избрав именно эту болезнь для решения вопроса, заразителна ли она через кровь. Ответ оказался положительным: он заболел крайне тяжелой формой возвратного тифа. Несмотря на серьезность своего положения, он, однако, продолжал отдавать себе отчет в окружающих событиях. Покушение 1 марта вызвало в нем сильнейшее волнение, так как он предвидел, что оно приведет к крайней реакции; выборы нового реакционного ректора заставляли его бояться еще большей реакции в самом университете» («Жизнь Мечникова», стр. 84—85). 68.

⁸⁵ Выборы происходили 16 марта 1881 г. Избран был профессор математики С. П. Ярошенко. 69.

⁸⁶ Мечников вышел в отставку в мае 1882 г. в связи с «делом Герценштейна» (см. его рассказ об этом на стр. 81—83 настоящего сборника и прим. 114).

⁸⁷ Умов перешел в Московский университет в 1893 г. На решение о переходе, повидимому, большое влияние имели плохие отношения с проф. Шведовым, руководителем кафедры и влиятельным представителем консервативной группы профессоров в Новороссийском университете. Так, биограф Умова пишет: «Отношения Умова и Шведова, бывшие и вначале не очень хорошими, к началу 90-х годов настолько обострились, что Умову пришлось подумать о переезде в другой город» (П. П. Лазарев. Николай Алексеевич Умов. М. 1940, стр. 16). 69.

⁸⁸ Мечников имеет в виду знаменитый разгром Московского университета, учиненный реакционным министром народного просвещения Кассо в 1911 г. В ответ на отстранение Кассо от должности профессоров А. Мануйлова (ректора университета), М. Мензбира (пом. ректора) и П. Минаква (проректора) подали заявление об отставке свыше 100 профессоров и доцентов. Среди них естественно был Умов, прекративший первым чтение лекций. 69.

⁸⁹ В качестве редактора журнала и издательства «Научного слова» Умов неоднократно обращался к Мечникову с предложениями о написании статей и издании его книг. В журнале «Научное слово» Мечников опубликовал ряд статей, вошедших потом в его книги «Этюды оптимизма» и «Этюды о природе человека», выпущенные издательством «Научное слово». К последней книге, со 2-го издания (1905), Умов написал предисловие («прошу не осудить меня за помещенное в нем предисловие», — писал Умов Мечникову в письме от 4 ноября 1905 г.). Умову приходилось наблюдать за изданием этих книг и вносить ряд изменений. «Не раз ему приходилось бывать у цензора и отстаивать неприкосновенность рукописей и среди них научные статьи самого И. И. Мечникова», — пишет издатель «Научного слова» Рахманов («Борьба за науку», стр. 184). Так, в письме к Мечникову от 22 июля 1903 г. Умов пишет ему в связи с изданием «Этюд о природе человека»: «Дорогой Илья Ильич. Получил IV главу Вашей книги. Глава III про-

пущена цензурой. Для обеспечения пропуска были сделаны некоторые изменения в тексте, не касающиеся, как Вы сами увидите, сущности дела. Так, в заголовке, вместо «происхождение человека от обезьяны», поставлено: «гипотеза о происхождении» и т. д. Вместо «кровное родство человека и обезьяны», поставлено: «родство крови человека и обезьяны». Вместо того, что происхождение человека указывается «религиозным догматом», сказано: «древними преданиями». Я думаю, что Вы ничего не будете иметь против этого и только удивитесь, какие лутяжки обеспечивают проникновение в публику научных истин. Я покорнейше просил бы Вас разрешить мне делать подобные изменения, тем более что Вам сказано в особом предисловии, что Вы считаетесь с внешними условиями при русском издании. Сообразно указанным изменениям Вы сами, вероятно, усмотрите, какие обороты речи следует употреблять в критических местах. Русская публика привыкла к эволюционскому языку» («Борьба за науку», стр. 183). Когда Мечников задумал после смерти Умова (1915) издать книгу воспоминаний, то он решил посвятить эту книгу его памяти (Проект предисловия издателя Рахманова к этой неосуществленной Мечниковым книге см. в «Борьбе за науку», стр. 184). 69.

⁹⁰ «Русские ведомости», 31 декабря 1908, № 302.

⁹¹ Мессинское землетрясение произошло 28 декабря 1908 г. Число жертв достигало 80 000 чел.

⁹² О. Н. Мечникова пишет: «Он получил... заграничную командировку и весной 1868 г. направился в Неаполь, где рассчитывал застать А. О. Ковалевского. Но он нашел лишь от него письмо, сообщающее о спешном отъезде для исследования в Мессину» («Жизнь Мечникова», стр. 49). Ковалевский, уезжая из Неаполя в Мессину, оставил следующее письмо Мечникову: «Илья Ильич, я Вас ждал, несколько раз откладывал отъезд, а Вас все нет. Наконец, я сегодня еду в Мессину; но в этом случае, я думаю, Вам удобнее прежде написать мне, чтобы не терять времени. Я еду тоже отчасти со страхом» (письмо от 17 марта 1868 г.). Но уже 21 марта он писал: «Уж как мне досадно, что я не отложил моего отъезда до пятницы, видно так у нас на роду написано, что как я в дверь, так Вы за дверь, и *vice versa* [наоборот]. Мне так хочется Вас видеть, и я здесь так скучаю, что право бы готов вернуться в Неаполь, но, батюшка вы мой, *pour la science* [ради науки] чего человек не делает?! Как тут помирить наши интересы! Исследовать развитие одной сифонофоры, захотелось проследить нескольких, то же для медуз, и поэтому мне и казалось, что не следует упустить такого богатства, как Мессина. Я останусь в Мессине, *das ist fest* [это твердо]; такого изобилия Coelenterat и прозрачной икры моллюсков, как здесь, я нигде не найду; остается, значит, потолковать о том, стоит ли Вас уговаривать (что мне очень хочется) переехать сюда, или нет. Я могу Вам, конечно, привести доводы только из моей ловли и, чтобы не брать греха на душу, скажу Вам, как обстоит дело».

30 марта Ковалевский, ожидая Мечникова, торопит его: «Отвечайте сейчас, я пропишу что непонятно; но лучше приезжайте же поскорее». Как видно из научного содержания писем, оба лихорадочно работают. Богатство размножающихся форм Мессины так захватило Ковалевского, что он не может ни от чего отказаться. Тут и сифонофоры, ради которых он поехал, но здесь же и медузы, моллюски и личинки множества других животных. В это время в Неаполе Мечников не может оторваться от развития асцидий. Ему кажется, что он обнаружил явления, противоречащие работам Ковалевского.

«С самого приезда и по сих пор я все сижу над асцидиями, но не дошел еще до такого состояния, чтобы сообщить Вам вполне несомненные и положительные результаты. Я знаю и знаю наверное, что es steckt noch sehr vieles drin [в этом еще многое увязло], и удивляюсь тому, что Вы так решительно говорите, будто все видели и уяснили себе относительно Botryllus. Асцидии здесь задерживают меня потому, что я не решусь тронуться, прежде чем окончательно не выясню их развития. Известите меня поскорее, можно ли в Мессине достать Botryllus и Phallusia. Если можно, то я немедленно приеду. Иначе буду коптеть здесь, пока не решу хоть главнейших вопросов» (письмо от 31 марта 1868 г.).

Это еще долго будет служить предметом спора и обид друзей (см. еще прим. 32). В первых числах апреля Мечников, наконец, вырывается в Мессину. 71.

⁹³ «Друзья работали запоем. Глаза Ильи Ильича не выдержали, и он принужден был на время прервать микроскопические исследования. В этот период переутомления и насильственного отдыха впервые почувствовал он потребность сердечной личной жизни. Он мечтал о подруге, соответствующей его идеалам» (О. Н. Мечникова. Жизнь Мечникова, стр. 50). Быть может, в этом смысле и надо понимать фразу Мечникова о том, «как устроить жизнь». Об этом же свидетельствует запись в тетради Мечникова 22 апреля 1868 г., относящаяся как раз ко времени пребывания в Мессине (см. ее в настоящем сборнике, стр. 161). У Мечникова уже зрели тогда идеи «о дисгармониях» человеческого развития, среди которых «дисгармония» в половой жизни особенно привлекала его внимание (разрыв между «общей физической зрелостью» и «брачной зрелостью»; см. статью Мечникова «Возраст вступления в брак», 1872). Как известно, Мечников женился на Людмиле Федорович («Лю») в том же году, по возвращении в Петербург. 72.

⁹⁴ «Его деятельная природа не могла долго останавливаться на мечтах и продолжительном бездействии. Поэтому он предпринял маленькое путешествие через Реджио и Калабрию в Неаполь, рассчитывая, что за это время зрение его оправится. Надежда его оправдалась, но пребывание в Неаполе на этот раз оказалось неудачным» (О. Н. Мечникова, стр. 50). 72.

⁹⁵ Мечников был в Италии в конце 1879 г. и всю первую половину 1880 г. Он жил преимущественно в Неаполе [«С конца ноября до конца апреля я работал на зоологической станции проф. Дорна в Неаполе» («Отчет о заграничной командировке в 1879/80 г.» Зап. Новоросс. унив., т. 31, стр. 291)], а в Мессине был в мае (н. ст.) 1880 г. В письме Ковалевскому от 1 (13) мая 1880 г. он писал:

«Письмо Ваше, дорогой Александр Онуфриевич, я получил третьего дня в Мессине, откуда только что возвратился... В Сицилию мы ездили отчасти для того, чтобы полюбоваться ею, отчасти же для исследования ранних стадий пилидия, т. е. образования гастроллы. Главная цель, т. е. подробность относительно инвагинации, бластопора и устройства гастроллы, удалось проследить. Кроме того, я в Мессине занимался новой ортонектидой, найденной в немертингах».

В своем отчете Мечников пишет:

«Две первые недели мая были проведены мною в Мессине, куда я отправлялся с специальной целью изучить образование гастроллы немертин и где, кроме того, мне удалось найти вышеупомянутую ортонектиду — *Rophalura Intoshii*» («Отчет...», стр. 292).

Группа ортонектид была подробно описана как раз в том же году французским исследователем Жиаром. Мечникову удастся, как видим, открыть новый вид этих загадочных примитивных животных, представляющих переходную форму между одноклеточными и настоящими многоклеточными. Для Мечникова группа ортонектид представляла огромный теоретический интерес. У него формируются тогда идеи о роли внутриклеточного пищеварения и происхождении двуслойности многоклеточных в противовес геккелевской теории гастрей (см. прим. 35). Следующим шагом явилось создание теории фагоцитоза (см. дальше рассказ Мечникова об этом). 73.

⁹⁶ Мечников имеет в виду последовавший после убийства Александра II разгул реакции, сильнейшим образом отразившийся на университетах. Об этих событиях см. рассказ Мечникова в следующей статье и комментарии к нему, 73.

⁹⁷ Мечников имеет в виду, очевидно, «дело Герценштейна» (см. прим. 114). Два упоминаемых им профессора были, возможно, А. С. Посников и В. В. Преображенский. Мечников подал прошение об отставке 22 мая 1882 г. (см. подробнее в прим. 119). 18 июня министр Делянов уволил его «по прошению». 74.

⁹⁸ Неожданное получение наследства от родителей его жены позволило Мечникову не искать немедленно новой работы и уехать за границу. «Для своих исследований ему необходимо было ехать на море, и вот осенью 1882 г. мы отправились на всю зиму в Мессину» (О. Н. Мечникова, стр. 93). 74.

⁹⁹ Как пишет несколько раньше Мечников, его занимал в то время вопрос «о происхождении кишечного канала у животных и о том, каким он должен быть у наших давно отошедших в вечность предков (стр. 73

настоящего сборника). Решение этого вопроса он искал в своих наблюдениях над внутриклеточным пищеварением у низших животных. Мечников установил, что у животных, не имеющих обособленной кишечной полости, существуют особые подвижные клетки, захватывающие пищевые частицы и переваривающие их внутри себя. Мечников и приходит к выводу, что первичным было такое внутриклеточное пищеварение и наиболее примитивные многоклеточные животные не имели еще обособленной пищеварительной полости. Ему удалось найти подтверждение этому наблюдениями над развитием губок и кишечнополостных, у которых он обнаружил бесполодную личинку, названную им паренхимой. Поэтому, в противовес господствовавшим тогда взглядам Геккеля («теория гастрей», 1874), он заключил, что предком многоклеточных был не двуслойный организм с полостью внутри, а бесполостное животное с подвижными клетками внутри его.

Самым интересным было для Мечникова то, что и у низших животных, обладающих кишечником, подобные блуждающие клетки продолжают существовать и сохраняют свои пищеварительные функции. И вот в наблюдение подобных подвижных клеток и углубился Мечников в Мессине. Тут-то и блеснула у него идея, что эти клетки могут поглощать не только пищевые частицы, но и чужеродные тела. Таким образом, эти клетки, которые Мечников назвал фагоцитами («пожирающие клетки»), поедая вредоносные тела (в том числе и микробов), играют целебную роль в организме. В дальнейшем Мечников развил эту свою гениальную догадку в разработанную фагоцитарную теорию, и поныне служащую объяснением многих явлений воспаления и невосприимчивости организмов к инфекционным заболеваниям.⁷⁵

¹⁰⁰ Вот что пишет об этом О. Н. Мечникова: «В Мессине в то время профессором зоологии был известный немецкий ученый Клейненберг, которому Илья Ильич сообщил свои опыты и теорию. Клейненберг очень увлекался ею, находя ее «чисто гиппократовской» мыслью. «Das ist ein wahrer Hippokratischer Gedanke», повторял он и советовал поскорее изложить ее в научном журнале. Илью Ильича также очень поощрял Вирхов, приезжавший в Мессину и видевший его опыты и препараты. Он находил их весьма показательными, но в то же время советовал большую осторожность в истолковании явления, говоря, что в медицине принято как раз обратное объяснение: в то время думали, что белые кровяные шарики не только не уничтожают микробов, а, напротив, служат им благоприятной средой и разносят их по всему организму.

Илья Ильич навсегда сохранил глубокую признательность к Клейненбергу и Вирхову за их доброжелательное отношение при вступлении его в новую область своей научной деятельности» («Жизнь Мечникова», стр. 96—97). 75.

¹⁰¹ «Русские ведомости», 18 октября 1909 г., № 239. 77.

¹⁰² Поразительное непонимание Мечниковым общественно-политической обстановки, сложившейся в России после разгрома революции 1905 года, объясняется все тем же упрямым противопоставлением «политики» и науки, которое было свойственно ему (см. прим. 48, 104). В то же время следует снова вспомнить причины, заставившие Мечникова навсегда покинуть родину, о которых он повествует на дальнейших страницах. Уже вскоре после написания этой статьи Мечников должен был убедиться в своей ошибке и резко осудить условия научной работы в России несколькими годами позже, когда его снова стали приглашать на работу в Россию (см. интервью, данное Мечниковым сотруднику «Вестника Европы», настоящий сборник, стр. 165). 77.

¹⁰³ «Колокол» издавался Герценом в Лондоне с 1 июля 1857 г. по 25 мая 1865 г., затем в Женеве до августа 1867 г.; в 1868 г. он выходил на французском языке, после чего издание его прекратилось окончательно. «Колокол» являлся приложением («прибавочные листы») к сборникам «Полярная звезда» (1855—1858). Кроме того, Герцен выпускал в отдельных изданиях свои памфлеты. Все эти издания нелегально распространялись в России и пользовались огромным успехом. 78.

¹⁰⁴ Мечников здесь намекает на то противопоставление общественных интересов занятиям наукой, которое было распространено в годы предреволюционного подъема и революции 1905 г. Что Мечников болезненно переживал это противопоставление, свидетельствует письмо к нему народника Л. П. Шишко в связи со спорами с ним на эту тему. В этом письме имеются указания о разногласиях по поводу «чуткости к общественным вопросам и мирного занятия наукой». Желая успокоить Мечникова, Шишко соглашался, что его взгляды о несовместимости общественной «чуткости» с «мирным занятием наукой» не могут относиться «к некоторым исключительным представителям русской интеллигенции, не подходящим под среднюю мерку; по отношению к ним я не могу отстаивать верности моего замечания, и в таком применении оно не может быть возложено на мою ответственность. Я вовсе не имел в виду сказать, например, чтобы юноша с поэтическими способностями Пушкина обнаружил отсутствие чуткости, если бы стал писать стихи, а не устраивать сапожные мастерские, подобно Войнаральскому и Рогачеву в 1874 г.; и если бы юноша с самыми средними задатками поэтического творчества посвятил свою жизнь на писание посредственных виршей при настоящих условиях русской общественной жизни, то я думаю, что и Вы также не причислили бы его к разряду особенно чутких молодых натур. Такого же рода особая связь, не подходящая под общую мерку, должна быть установлена между Вами и мирным занятием наукой» («Борьба за науку», стр. 186). 78.

¹⁰⁵ Мечников встречался с Герценом, повидимому, уже в первую поездку на юг Европы — в Женеве (1864—1865), куда он поехал для встречи со своим братом Львом Ильичем. Последний был близок к Герцену и являлся постоянным сотрудником его изданий. Очевидно, он и познакомил Илью Ильича с Герценом. Вот что об этом пишет О. Н. Меч-

никова: «Необыкновенно глубокое впечатление произвел на него Герцен, живший тогда в Женеве. Молодое поколение революционеров относилось к нему отрицательно, считая его деятельность слишком литературной, теоретической, и стремилось, напротив, к более активному образу действий.

Однако Лев Ильич оставался одним из немногих горячих сторонников Герцена. Часто вечером собирались у последнего, и он блестяще читал своим гостям «Былое и думы» в рукописи. Герцен производил глубокое, почти подавляющее впечатление мощью ума, остроумием и благородством всей своей личности. Обаяние его было так велико и неотразимо, что осталось одним из самых сильных впечатлений жизни Ильи Ильича. Это пребывание в революционном центре очень заинтересовало его, но в то же время он еще больше укрепился в мысли о превосходстве научной деятельности над политической и в том, что избрал благую часть» («Жизнь Мечникова», стр. 38).

Снова Мечников встретился с Герценом в следующую свою поездку за границу, в 1868 г. Об этом имеется свидетельство в письме Герцена к сыну от 16 июня 1868 г.: «В Женеве я встретился с Мечниковым — натуралистом; он очень поумнел и очень делен. Напиши мне, зачем ты с ним сухо встретился и Шифф тоже, как мне показалось из его слов. Фогт, хваля его Клапареду, сказал: «немцы его не любят». Мне кажется, что это не *causa sufficiens* [существенная причина] для тебя. Об этом напиши.» (Полное собрание сочинений и писем, т. XX, 378, 1923).

Герцен следил и позже за научной деятельностью Мечникова. Так, он писал сыну 18 мая 1869 г.: «Мечников-зоолог, говорят, в Петербурге отличается» (Там же, т. XXI, 385). 78.

¹⁰⁶ С Бакуниным Мечников познакомился в 1865 г. и сам описал свою встречу с ним (см. настоящий сборник, стр. 48). Позже ему неоднократно приходилось встречаться с Бакуниным и его «кружком». Так, О. Н. Мечникова пишет: «Когда уехал Ковалевский [в 1865 г.], он [Мечников] примкнул к бакунинскому кружку, члены которого обедали вместе в ресторане благополучного названия «*Trattoria dell'Armonia*» («Жизнь Мечникова», стр. 42). Летом 1866 г. Мечников снова встретился с Бакуниным в Италии: «Здесь он вновь встретил Бакунина, на некоторое время между ними завязались приятельские отношения. Бакунин даже прозвал Илью Ильича «мамашей» за его нежно-заботливый характер (название это давалось ему впоследствии и другими близкими по той же причине). Однако между приятелями не было действительного сродства душ и мыслей. Илья Ильич считал теории Бакунина поверхностными, его сектантский образ мышления и действий ему не нравился, и мало-помалу он отдалился от него» («Там же, стр. 45). 78.

¹⁰⁷ Характеристику его умонастроений того времени мы находим у О. Н. Мечниковой, которая, конечно, написана с одобрения И. И. Мечникова: «Между Ильёю Ильичем и студентами были отличные отноше-

ния, несмотря на то, что он нисколько не искал популярности. Не только не поощрял он тенденцию молодежи к политике, но, наоборот, употреблял все свое влияние, чтобы направить ее в сторону научных занятий. Он доказывал, что политические задачи требуют образования и серьезной практической подготовки. Без этого, говорил он, в социальной жизни получится то же, что было в медицине до вступления ее на почву точной науки, когда, чтобы лечить, достаточно было быть пожилой женщиной или знахарем. Тем не менее студенты всегда находили в Илье Ильиче горячего заступника в гонениях на них и серьезную опору в работе, если обнаруживали малейший интерес к ней. Он неизменно старался открыть и раздуть всякую искру священного огня. Влияние его на молодежь было велико благодаря независимости его убеждений и поведения. В административных сферах его за это считали «красным» и чуть не агитатором. В действительности же он боролся только с косностью и гасительством, задерживающими развитие культуры и знания в России. Сам он называл себя «прогрессивным эволюционистом», считая, что одно сознательное, внутреннее развитие может дать прочные результаты и вести к действительному прогрессу» («Жизнь Мечникова», стр. 80—91). 79.

¹⁰⁸ В июне 1879 г. произошел раскол в революционной организации «Земля и воля». Она распалась на две группы — «Народную волю» и «Черный передел». Группа «Народная воля» стала решительно на путь ниспровержения самодержавия путем террористической деятельности. Очевидно, студенческая делегация, посетившая Мечникова, и отражала настроения этой группы, лихорадочно готовившей покушения на царя и ожидавшей после этого падения самодержавия. Обращение делегации к Мечникову показывает, что, несмотря на его постоянные уверения в «аполитичности», он расценивался как представитель прогрессивных кругов, противопоставлявших себя господствующему строю. 79.

¹⁰⁹ Вот как характеризовал эти «партии» Мечников в своем интервью с корреспондентом газеты «Русское слово» (27 мая 1909 г.)

«В Новороссийском университете, особенно на юридическом факультете, образовались в то время две партии: партия «малорусская» (тогда консервативная), во главе которой стоял проф. Цитович, и партия «московская» с проф. Посниковым во главе». (См. подробнее прим. 69). 80.

¹¹⁰ Очевидно, проявлением этого было «дело Вериг», из-за которого проф. Ценковский (также поляк по национальности) подал в отставку (см. прим. 11). 80.

¹¹¹ Повидимому, Мечников имеет в виду профессора канонического права А. С. Павлова (в Новороссийском университете с 1869 по 1875 г.) и проф. политической экономии А. С. Посникова (с 1876 по 1882 г.). В то время лекции и сочинения Посникова, сторонника общинного землепользования, привлекали огромное внимание и считались настолько анти-

правительственными, что вызвали специальную кампанию со стороны реакционного проф. П. П. Цитовича. На защиту Посникова встала вся передовая пресса. Мечников был инициатором протеста против памфлетов Цитовича, который вынужден был уйти (январь 1880 г.) из Новороссийского университета (см. подробнее у Штрайха в сборнике «Борьба за науку», стр. 99—100). В дальнейшем Посников был видным деятелем партии кадетов и одним из редакторов «Русских ведомостей», так что «крайне-левым» Мечников его называет именно в связи с его деятельностью в Новороссийском университете. 80.

¹¹² Насколько Мечников преувеличивает свою «беспартийность», видно хотя бы из его собственного рассказа о выборах в ректоры Ярошенко, одного из столпов реакционной группы (см. настоящий сборник, стр. 68). При всей своей неприязни к «политике» Мечников всегда был политически активен и непримирим в своей борьбе с реакционерами (см. еще прим. 116, 119). 81.

¹¹³ См. прим. 84, 81.

¹¹⁴ Это заседание факультета происходило 9 ноября 1881 г. Руководителем диссертанта был проф. Посников. Очевидно, решение факультета было направлено против него. Деканом факультета был проф. И. И. Патлаевский. «Консервативная партия юридического факультета подняла вопрос с ранее признанной, очень талантливой и дельной диссертации Герценштейна (ставшего впоследствии видным деятелем Государственной думы и убитого черной сотней). Усматривая в ней социалистическое направление, партия эта желала нанести удар либеральному профессору, признавшему диссертацию. Декан юридического факультета предложил впредь не принимать подобных диссертаций, на что факультет согласился» (Мечникова. Жизнь Мечникова, стр. 83—84). 82.

¹¹⁵ Мечников подал заявление об отставке значительно позже (22 мая 1882 г.), так что в этой фразе дается как бы резюме будущих событий, излагаемых им в дальнейшем (см. прим. 119). 82

¹¹⁶ Постановление факультета было рассказано, естественно, студентам, вероятно, самим проф. Посниковым и другими несогласными профессорами, в том числе и Мечниковым. Это обстоятельство особенно возмутило министра народного просвещения Николаи. Он указывал в своем обращении к ректору университета: «От кого студенты узнали с происходившем в факультетском собрании и почему впечатление, произведенное на них происшедшим в этом собрании разногласием, обратилось с такой страстностью против главного представителя [т. е. декана Патлаевского.— А. Г.] одного из мнений, высказанных в этом собрании? Эта сторона дела остается совершенно неразъясненной». И далее совершенно недвусмысленно намекалось, что министерство не остановится в привлечении к ответственности и профессоров университета, не только не поддерживающих официальные власти, но «сеющих смуту» среди студенчества. «Правительство имеет право рассчитывать на то, что преподаватели в университетах будут служить ему не для одного только чтения лекций».

не и для внушения своим слушателям и словом и примером тех начал высокой нравственности, уважения к закону и порядку, которые составляют условия гражданской доблести. Всякое уклонение от этого пути и всякое отсутствие единодушия в его преследовании должны поколебать доверие, которое правительство выказывает к ученой коллегии в совокупности и к каждому из ее членов в отдельности; они поставили бы правительство, при повторении беспорядков в печальную необходимость искать корня их возникновения не в одной только среде увлекающегося юношества, но и между членами профессорской корпорации». (Зап. Новорос. унив., т. 35, стр. 40—41, 1883). 82.

¹¹⁷ Вот как описывается студенческая демонстрация в официальном изложении попечителя одесского учебного округа: «20 ноября (1881 г.— А. Г.) толпа студентов, собравшаяся в передней главного здания Новороссийского университета, встретила проходившего декана юридического факультета профессора Патлаевского свистками и криками, что на требование явившегося немедленно на место события проректора о выдаче своих билетов или объявления фамилий студенты ответили отказом, что на вопрос проректора о причине беспорядка студенты с наглостью ответили, что сходка осмистала декана Патлаевского» («Зап. Новорос. унив., т. 36, стр. 38, 1883»). В результате университетский суд уволил трех студентов. Тогда «25 ноября, по объявлению решения университетского суда, толпа студентов, около 70 человек, с шумом и криком бросилась для совещания в верхний этаж университетского здания и не расходилась, несмотря на повторительные требования инспектора» (там же). 28 ноября решение университетского суда рассматривалось в Совете университета, и большинство его кассировало это решение. Однако попечитель утвердил решение суда, а взбешенный министр обратился с грозным поучением к Совету университета. Мы уже приводили в прим. 116 содержание его угроз по адресу профессуры. Все это непосредственно касалось, конечно, и Мечникова, который явно был в числе «подстрекателей» студенчества. 83.

¹¹⁸ Повидимому, попечитель дал это обещание до получения упомянувшегося в прим. 116 и 117 свирепого поучения министра народного просвещения от 3 февраля 1882 г. Хотя попечитель и не отменил решения университетского суда, но он разрешил университету принять уже с 1 января 1882 г. уволенных студентов обратно. Очевидно, попечитель лавировал, не желая восстаивать против себя профессуру, но и не решаясь стать целиком на ее сторону. После же письма министра от 3 февраля, где прямо инкриминировались группе сторонников Посникова и Мечникова попытки «нравственного растления» студенчества и резко осуждалось нежелание не только «выражения порицания преступных деяний, совершенных студентами», но их стремление «даже привлечь к ответственности самого декана юридического факультета», попечитель не мог уже исполнить своего обещания. 83.

¹¹⁹ Мечников подал официальное заявление об отставке не сразу после этого, но решение это у него уже созрело. Так, еще 9 января 1882 г. А. Ковалевский писал Мечникову, уговаривая его не делать этого. «К моему ужасу, узнаю, что эта подлая университетская история может повести даже к тому, что Вы бросите Одесский университет. Это будет, конечно, ужасным ударом для университета и притом вполне, конечно, на руку тем силам, против которых Вы сражались. Ведь с будущего года, т. е. с сентября месяца, с выходом Сабинина и Карастелева, выбором Воеводского и моим возвращением на Вашей стороне будет такое подавляющее большинство, что все дела будут решаться согласно Вашим воззрениям. Из-за чего, И. И., выходить?».

Но приведенные выше угрозы министра, выслушанные им в заседании от 25 февраля, не могли не усилить настроений Мечникова. Надежды на уход за выслугой лет из университета столпов реакционной группы — Сабинина и Карастелева — также не оправдались. Между тем, происходившее в Совете обсуждение «правил для студентов» все время ставило перед Мечниковым неизбежность борьбы за университетскую автономию вразрез с указаниями начальства. Особенно ожесточенные прения вызвали пункты «Правил», посвященные праву Совета кассации решения университетского суда. В заседании от 22 апреля Мечников настаивает на этом праве. Той же точки зрения держатся его единомышленники Посников, Кондаков, Умов, Трачевский и другие; большинством 11 голосов против 10 они добиваются принятия своего проекта.

Естественно, что все это не улучшало атмосферы, а, наоборот, обостряло обстановку. В ряде вопросов проходят решения реакционной группы. Мечников и его единомышленники видели неизбежность ухода из университета. Сеченов пишет Мечникову 14 апреля 1882 г.: «Я уже слышал от Дювернуа о Вашем намерении оставить университет; нахожу его, конечно, совершенно естественным, естественно же, проклиная те условия, которые делают заштатным такого человека, как Вы». Посников и Гамбаров стремились уехать в длительную командировку или отпуск, а Преображенский первый подал прошение об отставке.

Эти настроения стали известны студентам, которые решили поддерживать любимых профессоров, всегда стоявших на защите их интересов. 15 мая 1882 г. на имя ректора университета Ярошенко подается заявление за подписью 95 студентов, в котором они пишут между прочим: «После года Вашего управления университетом, года, в продолжение которого было так много недоразумений и столкновений, дела университета, направляемые Вашей рукой, приняли такой оборот, при котором профессора, составляющие гордость университета, вынуждены оставить его. Всех нас — и, мы думаем, также всех профессоров и Вас лично — глубоко поразило решение Преображенского, Посникова, Мечникова и Гамбарова уйти из университета... Потому мы ждем от Вас, что для предотвращения такого большого несчастья от университета, как потеря луч-

щих профессоров, Вы откажетесь от дальнейшей ректорской деятельности» (Зап. Новорос. унив., т. 35, стр. 139—140).

Как вспоминает один из подписавших это заявление — будущий академик Н. И. Андрусов (назовем еще Н. Д. Зелинского, ныне академика, будущего проф. А. А. Мануйлова и известного в дальнейшем бактериолога М. Хавкина, между прочим, исключенного за это из университета), были приняты все меры запугивания, чтобы заставить студентов отказаться от подписания этого заявления: «Нас по фамилиям стали вызывать и спрашивать, согласны ли мы подписаться под запиской, и так два раза. Путем этого искушения из, кажется, 200 подписей осталось всего что-то 80» (Академик Н. И. Андрусов. Воспоминания. 1871—1890. Париж, 1925, стр. 51). Ректор созвал 19 мая «чрезвычайное заседание Совета», на котором ему легко удалось (почти все передовые профессора, в том числе и названные в заявлении, были в отпуску) добиться увольнения семи студентов и объявления выговора всем остальным.

После этого откладывать далее свое решение об отставке Мечников уже не мог. В следующем же заседании Совета, 22 мая, рассматривается заявление Мечникова:

«Не имея возможности по расстроенному здоровью продолжать службу в Новороссийском университете, честь имею покорнейше просить Совет ходатайствовать об увольнении меня от нее».

Попытки немногочисленных друзей Мечникова отложить дело до сентября (очевидно, в надежде на более благоприятный состав Совета по возвращении из отпуска ряда профессоров) не увенчались успехом. Враги Мечникова поторопились освободиться от «смутьяна». Попытки Ковалевского уговорить Мечникова вернуться также ни к чему не привели.

Мечников писал Ковалевскому 19 (31) января 1883 г.:

«Я ни под каким видом не вступлю в какие-либо отношения к Новороссийскому университету до тех пор, пока радикально не изменятся условия, сделавшие пребывание в нем до того отвратительным, что воспоминание о нем и теперь вызывает во мне болезненное чувство и дрожь. Так как, однако же, как видно из Ваших же писем, дурные условия в университете могут лишь ухудшиться, то о поступлении моем в Новороссийский или в какой бы то ни было другой университет не может быть и речи. Я буду крайне удивлен, если новый устав, о котором Вы пишете, не вызовет выхода в отставку тех из профессоров, которые имеют хотя какую-либо возможность выйти». 83.

¹²⁰ Вот что пишет об этом О. Н. Мечникова: «Лето 1880 г. мы провели в Киевской губернии, в имении моих родных. Злаки в то время сильно страдали от жуков (*Anisoplia austriaca*), причинявших большой вред всему краю. Близко принимая к сердцу такое бедствие, Илья Ильич придумывал, как бы помочь ему. Несколько лет раньше, случайно заметив на окне большую мертвую муху, всю поросшую плесенью, evidentemente причинившей ее болезнь и смерть, он спросил себя: нельзя ли

бороться с вредными насекомыми, распространяя на них искусственные эпидемии?

Теперь он вернулся к этой мысли и усердно занялся разработкой ее. Найдя на трупах жуков (*Anisoplia*) грибок мюскардину, обволакивающий его своими нитями, он успешно стал заражать здоровые особи этим грибом. Сначала он производил свои опыты лабораторным путем, впоследствии же граф Бобринский предоставил ему для этого опытные поля. Результаты оказались очень ободряющими, и он передал разработку прикладной стороны вопроса одному молодому энтомологу Красильщику. Илье Ильичу же работа эта послужила исходной точкой для исследований инфекционных болезней» («Жизнь Мечникова», стр. 90). 84.

¹²¹ Открытие Пастером способа предохранительных прививок от бешенства было осуществлено в 1885 г. Первая прививка была им сделана 6 июня. Инициатива в создании в Одессе станции для прививок от бешенства по методу Пастера исходила от врачебного инспектора Л. А. Маровского, внесшего этот проект на рассмотрение Городской думы. В начале 1886 г. Общество одесских врачей, со своей стороны, послало на благотворительные средства доктора Н. Ф. Гамалея к Пастеру для изучения его метода прививок (Мечников от поездки отказался). Возглавлявший созданную Городской управой комиссию, Мечников поставил перед станцией более широкие задачи изучения всего, «что касается бактериологии и ее практического применения». В результате была создана «Бактериологическая станция», открытая 12(25) июня 1886 г. Помощниками Мечникова были Н. Ф. Гамалея и Я. Ю. Бардах (см. С. М. Щастный. И. И. Мечников и Одесский бактериологический институт его имени (1886—1926). Одесса, 1926; Н. Ф. Гамалея. Два отрывка из воспоминаний микробиолога. М. 1940). 84.

¹²² Нужно иметь в виду, что в то время роль микробов в эпидемиологии еще не была общепризнанной. Достаточно указать, что такой авторитет того времени в вопросах гигиены, как проф. Ф. Ф. Эрисман (1842—1916), выступая в 1887 г. на съезде земских врачей с речью о значении бактериологии для современной гигиены, высказался против «бактериологов-фанатиков», давал советы городским и земским самоуправлениям не придавать значения бактериологическому анализу воды, считая ненужным некоторые меры дезинфекции против холеры и т. д. Мечников отвечал Эрисману в специальной статье «По поводу речи Эрисмана» («Сборник Херсонского земства», 1887, № 3). 85.

¹²³ Идея об использовании куриной холеры для борьбы с сусликами возникла у Мечникова в 1888 г. под влиянием предложения Пастером этих бактерий для истребления кроликов в Австралии. Как мы видели (см. прим. 120), Мечников уже пытался применить подобный «биологический метод» борьбы с вредителями еще в 1880 г. 85.

¹²⁴ Повидимому, в связи с этими нападками Мечников обратился к Пастеру с просьбой подтвердить вздорность подобных утверждений. Па-

стер прислал 17 декабря 1888 г. ему подробное письмо с опровержением этих обвинений (см. это письмо в наст. сборнике, стр. 182).

¹²⁵ Решающую роль в этом, повидимому, сыграла крупная неудача, постигшая станцию при применении сибиреязвенных вакцин на овцах. Вот что пишет об этом С. М. Щастный: «И. И. Мечников под влиянием успехов Пастера с только что открытыми им прививками против сибирской язвы предложил провести эти прививки среди скота в виде широкого опыта. Предварительно были поставлены опыты на самой станции. Н. Ф. Гамалея практически ознакомился с приготовлением вакцины в Париже у Пастера, и, казалось, налицо были все данные, чтобы эти прививки провести в жизнь. Земство согласилось на эти опыты, и в первое время они протекали с полным успехом. Однако эта важная работа неожиданно прерывается — по невыясненной причине прививки, проводимые станцией в имении помещика Панкеева в августе 1888 г., кончаются смертью 3549 овец из 4414 привитых. Прививки приостанавливаются до выяснения причины этого несчастного случая, а через некоторое время окончательно запрещаются».

Тяжелое впечатление от этой неудачи усугублялось еще тем, что совсем незадолго до этого Мечников сам выступал с резкой критикой опытов Ценковского по прививке овцам сибиреязвенных вакцин по методу последнего (см. прим. 13). Теперь Мечникову самому приходится отвечать на газетные нападки («Ответ на обвинения по поводу Панкеевского дела». «Одесский листок», 1886, 11/XI, № 304). Панкеев, повидимому, возбудил иск против станции, однако Мечникова он не считал ответственным за случившуюся катастрофу (см. письмо Я. Ю. Бардаха Мечникову в сборнике «Борьба за науку», стр. 152—153). О том же свидетельствует О. Н. Мечникова: «Будучи уже в деревне, Илья Ильич получил телеграмму о том, что после прививки первой вакцины погибло несколько тысяч овец. Хотя он фактически более не нес ответственности, тем не менее был страшно удручен таким оборотом дела и тотчас поехал в Одессу, чтобы разобрать причину катастрофы. Но она осталась темной... Этот тяжелый эпизод был последней каплей, переполнившей чашу. Наше переселение во Францию было окончательно решено» («Жизнь Мечникова», стр. 108). 85.

¹²⁶ Упомянутый здесь институт был основан в 1890 г. под названием «Института экспериментальной медицины», являющегося предшественником ВИЭМ. Принц Ольденбургский предлагал Мечникову стать директором этого института. Вот что писал 27/VIII 1888 г. по этому поводу Мечникову Гамалея: «Уезжая, принц поручил Шорштейну (лично он не хотел получить отказа) сделать Вам следующее предложение. Он устраивает на свой счет новый бактериологический институт с самыми блестящими средствами. Учреждение это будет совершенно независимым. Вам он предлагает быть его директором, заранее подчиняясь всем вашим условиям. Он говорит, что готов сделать все, что Вы захотите, лишь бы Россия не лишилась Вас». Вторично вопрос о

приглашении Мечникова директором института возникал в 1913 г. (см. стр. 165- и прим. 212). 85.

¹²⁷ Вот что пишет об этом О. Н. Мечникова: «Осенью 1887 г. мы поехали в Вену на Международный конгресс гигиенистов, где в первый раз собирались бактериологи. Это дало возможность Илье Ильичу познакомиться со многими из них и несколько ориентироваться относительно заграничных лабораторий. Известный немецкий ученый Гюппе весьма любезно приглашал его в Висбаден работать в его лаборатории. Это очень соблазняло Илью Ильича, считавшего тихий университетский городок всего благоприятнее для научных занятий. Но, побывав в Висбадене, он увидел, что положение его там было бы крайне неудобным ввиду враждебного отношения между собой лабораторий этого города; пришлось отказаться от плана, столь заманчивого на первый взгляд.

В то время уже возникали многочисленные возражения против фагоцитной теории. На нее яростно нападали, между прочим, немецкий ученый Эммерих. Илья Ильич воспользовался своим пребыванием за границей, чтобы съездить в Мюнхен, объясниться с ним. При этом случае он убедился, что и там условия лабораторий не подходят ему.

Так как ему очень хотелось познакомиться с Пастером и его сотрудниками, сыгравшими в то время такую выдающуюся роль в науке, то мы направились в Париж, хотя вовсе не думали найти там приют и не подозревали даже, что это возможно» («Жизнь Мечникова», стр. 101) 86.

¹²⁸ Мечников в своих «Воспоминаниях о Пастере» описал первую встречу с ним осенью 1887 г. (см. настоящий сборник, стр. 87). Хотя Пастер уже тогда, повидимому, согласился предоставить Мечникову лабораторию, Илья Ильич еще не решил окончательно вопроса о переезде в Париж. Вот что пишет О. Н. Мечникова: «Все это склоняло его к переезду в Париж. Однако его еще пугала мысль о жизни в огромном, шумном городе; ему казалось, что для спокойной научной работы благоприятнее маленький университетский городок. Поэтому, прежде чем принять окончательное решение, он хотел осмотреть еще несколько бактериологических лабораторий. Мы съездили в Страсбург, Франкфурт, Бреславль, но всюду условия оказались неподходящими... Вернувшись в Одессу, он стал понемногу подготавливать свой отъезд и уход со станции. Тем не менее он еще не успел сделать некоторые исследования в ответ на нападки, сыпавшиеся на его теорию со всех сторон. Между прочим, он исследовал фагоцитоз при бугорчатке и получил очень убедительные результаты в пользу своих воззрений. Весною он взял отпуск и передал управление станцией д-ру Гамалея. Мы же переехали в деревню в ожидании окончательного отъезда». Летом 1888 г. Ру, помощник Пастера, посылает Мечникову планы строящегося института. В письме (3 июня) он просит Мечникова сообщить свои пожелания об устройстве предназначенных для него комнат. После «Панкеевского дела» Мечников принимает окончательное решение и осенью 1888 г.

покидает навсегда Россию. Как сообщает О. Н. Мечникова, они приехали в Париж 15 октября. 86.

¹²⁹ Печатается по тексту, опубликованному Мечниковым в его книге «Основатели современной медицины. Пастер — Листер — Кох» (М. 1915, стр. 80—94). Впервые эти «Воспоминания» были опубликованы Мечниковым в виде отдельной статьи в газете «Русское слово», в 1915 г. («Воспоминания о Пастере», «Русское слово», 10 января 1915, № 7). В газете «Воспоминаниям» было предпослано письмо к редактору (от 7 ноября 1914 г.), посвященное разразившейся как раз в этот момент мировой войне (см. это письмо в Приложениях, стр. 167 настоящего сборника). «Воспоминания» начинаются кратким изложением научных открытий Пастера. В книге этого изложения не требовалось, так как работам Пастера в ней уделено гораздо больше места, в особых главах первой части ее. Наконец, текст непосредственных «Воспоминаний» Мечникова был несколько переработан, преимущественно в стилистическом отношении, и уточнены некоторые факты и описания. Из более крупных вставок отмечу лишь добавление об отношении Пастера к немцам (см. прим. 139). Некоторые другие разночтения будут оговорены в примечаниях 87.

¹³⁰ Это был VII Международный конгресс по гигиене и демографии. См. в прим. 127 воспоминания О. Н. Мечниковой о пребывании Ильи Ильича на этом конгрессе. 88

¹³¹ В тексте книги напечатано: «клерикалы и социалисты». Повидимому, это опечатка и следует, как и было в газетном тексте — «радикалы и социалисты». 90.

¹³² См. об этом в статьях о Пастеровском институте (стр. 100 и сл., 109 и сл. настоящего сборника). 90.

¹³³ Последняя работа Пастера «О методе профилактики от бешенства после укуса» была опубликована в 1889 г. После нее, ничего, кроме юбилейной речи (1892) Пастер не опубликовал. 90.

¹³⁴ Ру сообщил о своем открытии способа лечения дифтерита сывороткой иммунизированных лошадей в 1894 г. на международном конгрессе в Будапеште. Это открытие произвело столь сильное впечатление на широкую публику, что обеспечило сбор миллиона франков в пользу Пастеровского института (см. об этом в настоящем сборнике, стр. 109). 91.

¹³⁵ В газетном тексте статьи далее следовала следующая фраза:

«Еще молодым студентом, вскоре после приезда из провинции в Париж, он серьезно заболел и хотя, как казалось, и оправился совсем, но время от времени все-таки чувствовал себя нехорошо. Так продолжалось долгие годы, пока в возрасте 46 лет у него не случился удар, который чуть не свел его в могилу. Пастер, однако, оправился, но сохранил на всю жизнь полупаралич...», и далее шла фраза, идущая второй в настоящем тексте. Взамен этой вычеркнутой фразы в тексте книги вставлена дальнейшая, идущая первой фраза. 94.

¹³⁶ В газетном тексте далее следовала фраза:

«...и действительно, лишь только несколько лет после смерти Пастера такое бродило было извлечено из дрожжей Бухнером».

Эта фраза вычеркнута, очевидно, потому, что в тексте книги об этом уже было подробно изложено ранее (см. стр. 25 книги). 95.

¹³⁷ Как известно, в эпоху исследований Пастера о самозарождении (1859—1864) считалось, что допущение самозарождения является необходимым с материалистической точки зрения, а отрицание его поддерживалось всеми церковниками и идеалистами. Именно поэтому католические круги Франции провозгласили Пастера своим апостолом, а позитивисты (Пуше и другие, у нас в России знаменитый критик Писарев) обрушились на Пастера, как пособника клерикалов. Нам теперь ясно, что это все основано на теоретическом недомыслии (см. об этом: «Энгельсгардт. Л. Пастер, СПб, 1897, стр. 35—40). Мечников и пытается снять с Пастера обвинение в предвзятости и идеализме. Однако, если Пастер действительно проводил свои опыты строго объективно и никогда не вводил в свои исследования религиозных и идеалистических тенденций, то все же не следует забывать, что он никогда не отмежевывался от своих католических покровителей. Бесспорно Пастер в своих религиозно-философских воззрениях никогда не пытался отойти от идей официальной католической церкви. 96.

¹³⁸ Как уже ясно из прим. 137, Мечников пытается во что бы то ни стало доказать нерелигиозность Пастера. Однако является историческим фактом, что Пастер никогда не только не отрицал своей религиозности, но сам характеризовал ее, хотя и с иронией, как «слепую веру бретонской бабы» (см. Энгельсгардт. Указ. соч., стр. 36; Омельянский, Луи Пастер, П. 1922, стр. 113). 97.

¹³⁹ Слова «и ненавистник немцев», а также две последующие фразы вставлены Мечниковым в текст книги. Очевидно, когда Мечников писал впервые свою статью перед самым началом мировой войны (см. его «Письмо к редактору» стр. 167), он не хотел подчеркивать официальное отношение Пастера к немцам, но в 1915 г. добавил об этом. 97.

¹⁴⁰ В газетном тексте под статьей было указание на место написания ее: Saint-Léger en Yvelines. 98.

¹⁴¹ «Русское слово», 1909, 21 ноября, № 268. 99.

¹⁴² См. еще об этой премии на стр. 111 настоящего сборника. Она была присуждена в 1903 г. 102.

¹⁴³ «Русское слово», 1913, 1 ноября. 106.

¹⁴⁴ Очевидно, Мечников имеет в виду хирурга Терильона. См. рассказ его об этом же эпизоде в «Воспоминаниях о Пастере» (стр. 88 настоящего сборника).

¹⁴⁵ Работы Мечникова по экспериментальному сифилису обезьян относятся к 1903 и последующим годам. В Мечниковском музее сохранился черновик письма к В. А. Морозовой от 21 декабря 1904 г., в котором Мечников излагает свои работы в этой области и просит разре-

шения Морозовой расходовать жертвуемые ею суммы в этом направлении. 111.

¹⁴⁶ Следовавшее далее изложение научных работ Пастеровского института в области туберкулеза, рака и других болезней нами опущено, так как не содержит никаких личных воспоминаний Мечникова и устарело с научной стороны. 112.

¹⁴⁷ Из книги Мечникова «Основатели современной медицины». (М. 1915, стр. 98—100). 114.

¹⁴⁸ Мечников был в Англии весной 1891 г. Вот, что сообщает об этом О. Н. Мечникова: «Весной 1891 г. Илья Ильич ездил в Англию по поводу своего избрания почетным доктором Кембриджского университета. За это пребывание он успел ближе познакомиться с англичанами; они внушали ему большую симпатию, которая с годами должна была еще более возрасти. Он любил оригинальность их серьезного обобщающего ума, их лойальность и энергию; он был им благодарен за внимательное, доброжелательное отношение к его научной деятельности и лично к нему самому. Поэтому его радовало, что именно в Англии, а не во враждебной ему Германии состоится съезд, на котором ему придется выступать и дать решающий отпор своим противникам» («Жизнь Мечникова», стр. 122). 114.

¹⁴⁹ В другом месте своей книги (стр. 95) Мечников дает такую характеристику Листера, сравнивая его с Пастером:

«Трудно представить себе большую противоположность, как та, которую являли Пастер и Листер. С одной стороны, небольшого роста, страстный, вечно волнующийся Пастер, с жаром выискивающий противников и накидывающийся на них, а с другой — высокий, невозмутимо хладнокровный, не обращающий внимания на нападки Листер. Это не мешало им быть большими друзьями и относиться с необыкновенным уважением друг к другу». 114.

¹⁵⁰ Речь идет о IX Международном съезде по гигиене и демографии, состоявшемся в Лондоне 10—17 августа 1891 г. 114.

¹⁵¹ Мечников сделал на съезде небольшое сообщение о своих работах по туберкулезу, а основная дискуссия за и против фагоцитной теории происходила по докладам Ру и Бухнера. О своем участии в прениях и говорит, очевидно, Мечников. Вот что пишет об этом О. Н. Мечникова: «Главными докладчиками на Съезде были Ру и Бухнер! Доклад первого был всецело в пользу фагоцитной теории, а второго — в пользу гуморальной. Сам Илья Ильич выступил со сводкой результатов своих исследований и возражений против нападков на его теорию. В результате съезда ясно было, что фагоцитная теория начала приобретать серьезные права гражданства. Вот что писал Ру из Лондона по поводу доклада Ильи Ильича: «Мечников сейчас занят демонстрацией своих препаратов и к тому же он не рассказал бы Вам всего своего собственного успеха. Он говорил с такой страстью, что

всех воспламенил. Мне кажется, что с сегодняшнего дня теория фагоцитов приобрела много новых друзей» («Жизнь Мечникова», стр. 122). 114.

¹⁵² В Мечниковском музее хранится 6 писем Листера к Мечникову: 18/II, 1892, 19/I 1893, 11/II 1894, 24/II 1894, 22/XI 1901 и 6/XI 1901. 115.

¹⁵³ Печатается по тексту из книги Мечникова «Основатели современной медицины» (М. 1915, стр. 107—112). Впервые воспоминания Мечникова о Кохе были опубликованы им в 1910 г. в газете «Русские ведомости» («Воспоминания о Роберте Кохе», 1910, 25 мая). В газетном тексте собственно воспоминаниям предшествует изложение научных заслуг Коха и его краткая биография. В книге эти материалы изложены в других главах ее. Что же касается текста самих «Воспоминаний», то он подвергся коренной переработке. При этом исключен был ряд мест, важнейшие из которых будут оговорены в специальных примечаниях (см. примечания 154, 156, 157, 158, 160, 161). 116.

¹⁵⁴ В газетном тексте глава II, посвященная собственно воспоминаниям, начиналась так:

«Несмотря на то, что во время выступления Коха на научную деятельность я предавался ревностно изучению зоологии, успехи медицины меня также чрезвычайно интересовали. Я, разумеется, был горячим последователем теории о происхождении болезней от микроскопических паразитов, но сознавал всю недостаточность доказательства ее. Поэтому-то, когда в 1876 г. появилась первая работа Коха о сибирской язве, я тотчас же понял ее огромное значение и сразу проникся чувством глубокого почтения к ее автору». 116.

¹⁵⁵ Сообщение Коха об открытии им туберкулезной палочки было сделано 24 марта 1882 г. в Берлинском физиологическом обществе. Как пишет в другом месте Мечников, это открытие «с молниеносной быстротой облетело весь мир, произведя на всех неопишное и неизгладимое впечатление» («Основатели современной медицины», стр. 54). 116.

¹⁵⁶ В газетном тексте в соответствующем месте следовало:

«Вскоре после этого и мне пришлось выступить на медицинское поприще. Когда я пришел к заключению, что возбудители болезней наталкиваются в организме на злейшего врага в виде белых кровяных шариков и подобных им элементов, я сразу возбудил сильное противодействие со стороны многих ученых. Особенно опасного противника я встретил в лице Коха, который внушил своим ученикам необходимость бороться против моего учения». 116.

¹⁵⁷ В газетном тексте следовала фраза: «Зная отношение Коха к моей теории, я сообразил, что он хотел бы усмотреть противоречие в добытых фактах со сделанными мною из них выводами». 116.

¹⁵⁸ В газетном тексте Мечников несколько иначе излагает мнение Коха и добавляет:

«Это не помешало ему три года спустя в публичной речи на Бер-